

К. ВИТФОГЕЛЬ

**НАУКА
В
БУРЖУАЗНОМ
ОБЩЕСТВЕ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРИБОЙ“
ПЕТРОГРАД 1924**

К. А. ВИТФОГЕЛЬ

**НАУКА
В БУРЖУАЗНОМ
ОБЩЕСТВЕ**

Перев. с немецкого.

Издательство «ПРИБОЙ» Петроград. 1924.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Вышедшая в 1922 г. книга немецкого коммуниста Витфогеля—«Наука в буржуазном обществе» родилась в атмосфере революционных событий. Это наложило сильный и характерный отпечаток на это произведение. Как сообщает сам автор, в основу ее положен доклад, читанный им на германском студенческом конгрессе (коммунистов и социалистов) 16 марта 1922 г. Книга Витфогеля — не академическое исследование, а боевое произведение, вызванное потребностями революционной эпохи. Теоретическая оценка буржуазной науки не заключает в себе ничего нового. Автором, по его собственному заявлению, сделана лишь сводка многочисленного литературного материала по данному вопросу из немецкой социал-демократической журналистики довоенной эпохи, но сводка, проникнутая боевыми задачами переживаемого момента, имеющая целью выяснить и обосновать революционную деятельность пролетариата в области духовной культуры для переходного времени.

Подчинение теоретического исследования и университетского преподавания нуждам, борющегося за коммунизм, революционного пролетариата является очередной и важной задачей не только для Германии, где пролетариат еще не у власти, но и в Советской России. Наши желания в постановке высшей школы, наилучшим образом удовлетворяющей требованиям и задачам времени, наша упорная борьба с консервативной буржуазной профессурой достаточно подтверждают жизненный интерес возбуждаемых Витфогелем вопросов. Поэтому нам представляется небезынтересной для русского читателя попытка систематизации опыта борьбы с буржуазной наукой и за высшую школу, которую мы находим в книге.

«Наука в буржуазном обществе» проводит параллель между духовным творчеством и материальным производством. Подобно тому, как хозяйственная деятельность, естественно, расчленяется на 3 основные фазы: производство, обращение и распределение, так и духовная дея-

тельность имеет аналогичные фазы: исследование, популяризация и преподавание. Чтобы проследить в целом духовное творчество буржуазного общества, выявить его классовую ограниченность и формы борьбы пролетариата за революцию в духовной культуре, автор последовательно рассматривает буржуазную науку в указанных 3 фазах. Таков план книги.

Как известно, марксистская трактовка высших идеологических надстроек представляет одну из наиболее сложных проблем. Туманные слова Энгельса о том, что, в последнем счете, и они определяются экономической структурой общества, указывают на необходимость особой осторожности в изучении этого вопроса. Нелегко установить во многих случаях социальный и классовый характер отдельных наук. Гораздо яснее социальный характер науки в целом, всей системы научного знания. Поэтому, естественно изучению отдельных наук предпослать выяснение социальной функции науки, как таковой. Мы находим у Витфогеля следующее определение науки и ее социальной функции: наукой именуется систематическое собрание, упорядочение и искусственное воспроизведение опыта; она (наука) есть систематическое средство ориентации в природе и обществе для обеспечения существования. Такова социальная функция науки, если рассматривать ее по отношению к обществу в целом, но это определение не всегда верно по отношению к отдельным частям классового общества: группам, классам и т. п.

В классовом обществе социальная функция науки становится двойственной: с одной стороны, она для общества в целом должна быть средством ориентации в отношении к природе и обществу, с другой стороны, являясь монополией господствующего класса, она фальсифицируется им для целей классового господства. Отсюда внутренние противоречия, выступающие с различной силой в отдельных отраслях знания в зависимости от степени их близости и важности для общественного процесса производства и для выработки общего мировоззрения.

Такова позиция Витфогеля, которая лежит в основе его оценки состояния отдельных отраслей знания. Покажем на паре примеров, какие выводы он делает из этой точки зрения.

Делая краткий обзор состояния точных (физико-химических) наук, биологии и общественных наук, автор уста-

навливают последовательное нарастание в них классового, буржуазного характера. Точные науки, по мнению Витфогеля, носят внеклассовый характер. «Не существует разных Пифагоров для крупного буржуа и для пролетария: приверженцы 2-го и 3-го Интернационала должны пользоваться одинаковыми таблицами логарифмов; закон сохранения энергии одинаково лежит в основе расчетов частного хозяйственного и социализированного предприятия». Причины внеклассового характера точных наук в том, «что все системы хозяйства одинаково заинтересованы в отношении природы; все желают знать законы природы, господствовать над ними и использовать их».

Классовая ограниченность точных наук выражается главным образом в том, что их прогресс обусловлен важностью его для повышения нормы прибыли. В этом отношении буржуазное общество переживает 2 фазы, в которых его отношение к точным наукам различно. Если в первой фазе, в которой прогресс точных наук содействует росту прибыли, отношение буржуазии благожелательно; во второй фазе (эпоху господства монополии) отношение буржуазии к точным наукам становится безразличным, даже отрицательным.

Биология в большей степени, чем точные науки, отражает классовый характер общества. Ряд биологических проблем (теория эволюции, наследственности, проблема расы) имеет непосредственную связь с общим мировоззрением; их правильное (соответствующее уровню нации) разрешение подрывает традиционные устои, грозит религии или национальным и расовым предрассудкам, а потому встречает противодействие в официальной университетской науке.

Наконец, в области общественных наук мы наблюдаем во всех отношениях (со стороны содержания и метода) абсолютное господство узкоклассовой точки зрения, чему Витфогель в своей книге дает много примеров.

Если в общем и целом соображения автора в оценке системы наук правильны, то все же едва ли они могут быть признаны исчерпывающими. В частности, мы считаем неправильным мнение автора о внеклассовом характере точных наук. Не имея возможности детально изложить в этом предисловии нашу точку зрения, мы ограничимся некоторыми замечаниями. Конечно, теорема Пифагора или таблицы логарифмов не имеют классового характера,

но едва ли то же самое можно сказать о некоторых общих теориях, относящихся к той же области (математики, физики, химии). Вторая половина XIX в., особенно его последние десятилетия, и начало XX в. отмечены в этих науках многочисленными научно-философскими произведениями (Пуанкаре, Мах, Оствальд), пытающимися установить относительность и условность точных наук. Мы знаем немало попыток обойтись без понятия об атомистическом строении материи, отбросить вообще материальный субстрат явлений (энергетическая теория Оствальда), установить условность научных гипотез (Пуанкаре). Эти попытки, несомненно, находятся в связи с реакцией против материализма, которая широко распространена среди представителей буржуазной науки. Поэтому мы не можем согласиться с мнением Витфогеля о внеклассовом характере точных наук. Но вопрос этот очень сложен и требует детального изучения. Во всяком случае едва ли правильно видеть здоровое течение, т. е. прогрессивное, ведущее вперед, в идеях Авенариуса и Маха, как это делает автор. Как раз они очень виновны в той научной реакции, которую мы отметили. Как это детально показал т. Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм», Авенариус и Мах—представители научно-философской реакции, поздний возврат к Беркли, и не могут рассматриваться, как ступень к диалектическому и материалистическому мировоззрению пролетариата. Этот промах в книге Витфогеля должен быть отнесен за счет недостаточного философского образования автора.

Немало интереса представляют соображения Витфогеля о причинах различия в организации исследовательской работы в области естествознания и в общественных науках.

Наконец, много полезных мыслей можно найти в последних главах, посвященных популяризации и преподаванию. Подробный разбор их был бы неуместен в предисловии.

Мы считаем, что поднятые книгой Витфогеля вопросы не окажутся ни академическими, ни несвоевременными. Попытка автора принесет свою долю пользы в деле революционного преобразования духовного наследства буржуазного общества.

И. Плотников.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Не существует широкой дороги к науке. Лишь те могут рассчитывать на достижение ее лучезарной вершины, кого не отпугивают трудности ведущих к ней крутых тропинок.

К. Маркс.

Эта книга — научная работа. Ее нельзя назвать популярной в обычном смысле слова. Но кого не пугают «трудности крутых тропинок», тот, будучи даже профаном, в общем и целом освоится с развитием мысли в этом исследовании, несмотря на его научный характер.

Если бы читатель испытал некоторые трудности при чтении самого первого отдела (А. I.), он может спокойно пропустить эту часть. Это теоретическое введение, будучи чрезвычайно важным для обоснования * взглядов автора, не является безусловно необходимым для изложения и понимания поставленной им проблемы.

То, что должна дать настоящая книга, что она может дать и неспециалисту и дает ему несомненно даже в том случае, если будут пропущены при чтении отдельные, слишком специальные места, сводится в существенном к следующему:

Существует механическое, недialeктическое представление о современной академической науке, как «буржуазной». Это представление не является точным: ни субъективно—в отношении личности ученого-исследователя, ни объективно—в отношении всех результатов его исследовательской работы. Более того—такое представление в его практических выводах ведет к отказу пролетариата от мощного, духовного оружия, такого оружия, без применения которого заключительная фаза социальной борьбы должна протекать гораздо тяжелее, с большими потерями крови и большей тратой сил.

Современный пролетариат в своем отношении к науке буржуазного общества прошел через 3 ступени.

I. Период полной зависимости от идей буржуазной интеллигенции, которому социально-экономически соответствует наибольшая слабость и неорганизованность пролетариата.

II. Период социального, и тем самым духовного высвобождения пролетариата из-под власти его эксплуататоров. В ожесточенной борьбе за это освобождение в первую очередь подчеркивается и выдвигается рабочим классом то, что противоречит, что несовместимо с буржуазной наукой. В этот период говорят о буржуазной науке, которую в общем решительно отрицают.

III. Период полного расцвета социальной и духовной мощи пролетариата.

За (второй) фазой оборонительной борьбы следует (третья) фаза наступательной борьбы. Пролетариат берет теперь из научных арсеналов своего классового врага все, что он может использовать для своей освободительной борьбы. Наука буржуазии отрицается уже не потому лишь, что она буржуазная—напротив, в этой «буржуазной» науке пролетариат тщательно отделяет от бесполезных продуктов разложения капиталистической эпохи все те составные ее части, которые являются зародышами науки будущего коммунистического общества.

Наш небольшой труд—продукт этой третьей наступательной фазы развития. Эта фаза стремится обособить жизненные элементы буржуазной науки от сопутствующих им и обреченных на слом частей, и тем самым показать—в совершенно новом освещении!—и с беспощадной силой, классовую ограниченность, буржуазность всей современной официально-академической науки.

Поэтому, поскольку внимание пролетариата обращено на эту сторону дела, он будет лучше вооружен для своей борьбы, кроме того, он будет лучше знаком со своим противником, чем это было до сих пор.

Настоящий этюд является таким образом скромным вкладом в дело облегчения и сокращения тех длительных боев, которые предстоят пролетариату для своего освобождения и организации бесклассового общества.

А.

О сущности науки и об основных элементах духовного творчества.

1. Научный процесс, как первоначальная биологическая и социальная функция.

Живое существо, в изолированном или общественном состоянии, непрерывно выполняет множество функций, без наличия которых нельзя и мыслить себе его существование. Оно ощущает, т. е. испытывает воздействия окружающего мира, оно действует, т. е. стремится приспособиться к ощущаемому им миру путем целесообразных движений.

Чувствительность и способность к движению (ощущение и реакция)—две стороны жизненного процесса, неразрывно связанные между собой во всех его проявлениях. Они должны нами рассматриваться, как единый биологический процесс. Одна группа наших ощущений—логически-первичная—регистрирует сумму наличных жизненных потребностей, другая,—логически вторичная—указывает, какие средства окружающий мир (причем в данном случае к нему относится и наше собственное тело) предоставляет для удовлетворения наших потребностей.

Опыт показывает, что такое двойственное восприятие (котор. соответствуют, в свою очередь, внешние процессы движения) постоянно имеет последствием цепь простых или сложных движений, посредством которых элементы внешнего мира, прямо или косвенно, приспособляются к удовлетворению текущих жизненных потребностей.

Растущая целесообразность движений функционально связана с возрастающей точностью наших восприятий; мы этим хотим подчеркнуть не только возрастающую чувственную точность восприятий, но и растущую точность их критической обработки и их логического подбора.

Предусмотрительное животное—при прочих равных условиях—победит своих менее предусмотрительных конкурентов, предусмотрительная группа людей (при тех же условиях) одержит верх над всеми враждебными группировками.

Чем иным объясняется, что сильные звери и процветающие группы общества всегда бывают наделены особенно острыми чувствами и значительно более сильным логическим аппетитом!

Привилегированное положение в процессе производства при естественном или социальном состоянии ведет их к новым победоносным знаниям.

Обусловливаемая извне новая система восприятий (новое «сознание», обусловленное новым «бытием»), т. е. созревающие в «головах» новые «идеи», в которых выражается сознание изменившегося положения—исходный пункт всех тех действий, которые изменяют и приспособляют заботу о поддержании жизни (хозяйство), социальное положение и совокупность воззрений.

Живой организм вынашивает свою деятельность в форме идей и только в этой форме! Опыт, познание, наука поэтому вовсе не побочные продукты отдельных из ряду вон выходящих животных или человеческих индивидов—напротив, они основной принцип всякой жизни в природе или обществе.

Мы говорим о науке, имея в виду не механическую груду отдельных впечатлений, но планомерно упорядоченный опыт, планомерно собираемый ¹ (на высшей ступени) и планомерно воспроизводимый экспериментальным методом на самой высшей ступени.

Животное, как и древнейший человек в общем не перешагнули ступени упорядочения. Специализировавшиеся при общественном разделении труда жрец и ученый полукультурных эпох, самое большее, достигли стадии собирания. Искусственное воспроизведение явлений (как и искусственное производство средств существования) сравнительно зрелое и позднее дело. Но и на этой последней ступени методы упорядочения и собирания на ряду с экспериментальным методом, конечно, отнюдь не отпадают. Эти три

¹ Собрание означает в нашей терминологии, понятно, не пассивное усвоение случайных фактов, но активное искание нового опыта.

рабочих принципа скорее являются на этой ступени методологическим единством, части которого играют то господствующую, то подчиненную роль в зависимости от характера поставленных научных проблем.

Мы резюмируем: можно говорить о науке повсюду, где общество планомерно упорядочивает, собирает и искусственно воспроизводит данные опыты.

Результатом (фактическим, а не всегда сознательным!) этой деятельности является регулирование общественной заботы о поддержании существования.

Многие ученые думают в настоящее время иначе. Но эгоцентрические вымыслы и детский самообман—подчас еще пригодные, как рабочие гипотезы—не могут рассматриваться, как серьезное суждение об объективном общественном состоянии. Что отдельные, одержимые дьяволом ученые, Фаустовские натуры, оценивают познание выше, чем самую жизнь—все это еще сильнее укрепляет нас в нашем утверждении о социальном характере самого исследователя и самого познания. Трутень должен при выполнении своего (субъективно) видового инстинкта, погибнуть для того, чтоб (объективно) царица могла быть оплодотворена и вид пчел мог существовать дальше! Специализированные научные склонности (как и моральные и эстетические склонности)—социальная привычка, которая развивается в обществе в силу закона самосохранения¹. Общество нуждается для своего существования в известном количестве преданных своему делу фанатических специалистов. Христос, Фауст и Достоевский должны погибнуть мученической смертью, для того чтобы Фальстафф и прочие мещане могли осуществить свою примитивную волю к жизни.

II. Формы исторической эволюции общественной функции науки.

Данные нами определения науки (систематическое средство для ориентирования в природе и обществе в целях обеспечения существования) пригодны для различных форм общества, поскольку они, как организованные социальные построения, образуют историческую единицу.

¹ О законе самосохранения см. Послесловие.

Но, это определение не годится для слабой отдельной части—группы, слоя или класса—этих различных общественных форм.

В первобытном обществе прошлого и в бесклассовом обществе будущего, где интересы всех приблизительно одинаковы, благодаря особенностям производственного процесса в эти две эпохи, наше определение пригодно, как для социального организма в целом, так и для каждой из его составных частей. Наличный опыт является в своей основе достоянием всех—каждому он в общем и целом одинаково доступен¹. Не существует оснований для того, чтобы сделать коллективное знание тайной одной группы, тем более для распространения преднамеренно ложных взглядов. Напротив, все в высшей степени заинтересованы в максимальном развитии и осведомленности своих соотечественников, так как наиболее полное осуществление личности каждого требует наиболее полного проявления деятельности всех его сограждан.

Совсем не так дело обстоит в классовом обществе, в эпохи феодальной или капиталистической эксплуатации!

О гармонии интересов теперь, после того как выкристаллизовались господствующие и подчиненные слои общества, не может быть и речи. Родовой союз первобытной коммунистической эпохи уступил место колоссальной государственной галере. С капитанского мостика естественно получается иное впечатление и представление о корабле и его движении, чем из узких щелей вонючих стойл, в которых каторжник прикован к своему тяжелому веслу.

Выражаясь неаллегорически, знание и наука теперь соответственно характеру общественной дифференциации распределены неравномерно. В глубинах общественного организма мы встречаем неоплаченный прибавочный труд, материальное прозябание, отсутствие свободного времени (т. е. широкого простора для специализированной духовной деятельности!) и, что весьма существенно, планомерно-проведенное отстранение от всех «Командующих высот» общества, т. е. от всякой деятельности, которая

¹ «В общем и целом!» Абсолютному единообразию всего опыта мешает в диком состоянии и на низшей ступени варварства наличие шаманов, возрастных и половых групп.

позволила бы низам практически усвоить опыт господствующего класса (кому бог отказывает в чине, тому он отказывает и в разуме!).

Подчиненные классы не имеют ни времени, ни средств, ни возможности добиться в достаточно широкой мере научной специализации.

Быть бедным означает также всегда — в классовом масштабе — быть невежественным! Могущество и знание оказываются на одной стороне, бессилие и невежество на другой стороне. (Под могуществом мы всегда понимаем, конечно, социально-экономическое значение, а не только официальное политическое влияние!).

По мере того как подчиненный до сих пор класс улучшает свое социально-экономическое положение, растет «медленнее или быстрее» и его духовный горизонт. Класс начинает заниматься наукой и добиваться своей духовной эмансипации.

Поднимающийся класс нуждается в духовной эмансипации! Господствующий класс, прекрасно понимая, что известные воззрения, превратившись в общее достояние, угрожают отношениям собственности, грозят даже их опрокинуть, всеми средствами стремится задержать распространение таких опасных истин и честно заменяет их некоторым количеством второ-и третье-разрядных знаний, посредством которых интересы массы умеряются и отвращаются от основных проблем (См. буржуазное движение в пользу Народных Университетов).

Буржуа должен был научить своего рабочего («Своего!») грамоте, потому что неграмотный человек не умеет обращаться с машиной и повышает этим накладные расходы. Как противоядие против этого неизбежного духовного вооружения масс, буржуа создал преподавание закона божия от 10 до 14 часов в неделю, благодаря которому чувство и суждение трудящихся извращаются до неузнаваемости, сковываются до обморочного состояния.

Наука буржуазии превратилась здесь в псевдо-науку! Она перестает быть средством ориентировки для масс. Напротив, сознательно или бессознательно, буржуазия превращает ее в средство сбить с толку массы, в орудие, посредством которого она может помешать и, к несчастью, до известной степени мешает, распространению основных научных воззрений!

Итак все сводится к одному: наука всегда является средством ориентировки, если рассматривать общественный порядок в его целом.

В феодальном и капиталистическом обществе она становится средством для обмана угнетенных классов—господствующий класс бросает угнетенным массам фальсифицированное знание, пользование которым истощает духовную энергию удерживаемых на низшей ступени социальной лестницы рабочих и крестьян.

III. Ступени научного производственного процесса.

Наука, как организованная совокупность человеческого опыта отвечает общественной потребности. Наука, следовательно, — социальное благо, более того, она—общественное благо, обладающее трудовой ценностью (опыт не достается без труда, подобно воздуху и дождевой воде, напротив, получение его требует определенной затраты сил).

Ценностные блага, как материальные, так и духовные имеют свою типичную судьбу: первичная стадия производства вырывает их из их первоначальной связи, промежуточная и окончательная фаза производства приспособляет их к потребностям потребления, обращение и распределение, наконец, доводит их от места их первоначального производства до их окончательного потребления.

Эти три ступени высоко развитой культуры могут переходить друг в друга, даже по временам совпадать. Однако по существу всякое производимое обществом благо неизбежно подчинено такому процессу.

Планомерное приобретение познаний, систематическое производство общественно-необходимого опыта мы называем исследованием.

Переработка добытого путем исследования духовного сырья в социально-пригодный продукт—т. е. стадия полуфабриката и окончательной переработки протекает в виде популяризации.

А распределение материала исследования (не обработанного), которое происходит путем социального обращения популяризируемых и научных сведений, составляет предмет обучения.

Исследование, популяризация и обучение —таковы этапы развития научного процесса. Поэтому изучение современной науки должно проследить духовный продукт в его движении от стадии исследования до момента обучения.

Если при этом обнаружатся классово-буржуазные характерные черты существующей науки—а они выявятся!—тем самым у нас будет возможность изобразить теорию и практику пролетарской борьбы против этих буржуазных элементов науки на каждой ступени научного процесса.

Б.

Наука буржуазного общества и ее критика пролетарской революцией.

I. Духовное производство.

1. Исследователь.

(К социологии академика).

Наука, как и всякая культурная деятельность, творится живыми людьми. Поэтому, если мы хотим исследовать, как и в какой мере современная научно-исследовательская деятельность связана классовым характером буржуазно-капиталистического общества, мы должны подвергнуть анализу представителя научной деятельности—исследователя.

Чтобы понять характер современного университета, мы должны сказать пару слов о естественной истории нынешнего ученого.

Жизненный путь его хорошо известен.

Ступень первая: осклопление в средней школе реалистического или гуманитарного направления—выработка классового языка, переоценка формальных элементов науки, недооценка ее материальных моментов, урезывание исторического воззрения на природу и общество (в лучшем случае) некоторым естественно-научным жизненным мимимумом — устранение пригодной, т. е. объясняющей жизнь, философии, устранение общей точки зрения на социальную связанность отдельных областей культуры с целым и наоборот, одним словом: образование орды опасных недоучек, знание которых, с одной стороны, слабее, чем у наших молодых интеллигентных рабочих (у последних, по крайней мере, правильная постановка вопроса и потому правильная исходная точка), с другой сто-

роны, именно потому и безнадежнее! (В противоположность пролетарским самоучкам они не видят своей ограниченности и пребывают в состоянии бесплоднейшего самодовольства).

Вторая ступень: Академия (т. е. место духовного творчества в широком смысле)—производство квалифицированных (не всегда высоко-квалифицированных! сравни юристов) специалистов, общее развитие которых значительно ниже, чем учеников старшего класса гимназии.

Вооруженный «полным невежеством», как выражается Шоу, и самоуверенностью, которая прямо пропорциональна степени невежества, покидает сдавший испытания студент учреждение, в котором его сформировали, чтобы в том случае, если ему повезет—т. е. ему попадетсЯ дочка профессора или благоприятствует происхождение и материальное положение, присоединиться к своим старшим на этом поприще товарищам в качестве доцента (Ступень третья), т. е. стать ценным специалистом (при удаче), зрения которого на основные, общие и существенные жизненные проблемы приблизительно соответствуют взглядам среднего бюрократа (Мы опасаемся, что таким сравнением, мы, пожалуй, унижаем бюрократа). Маркс говорит об абсолютном невежестве профессоров и приват-доцентов.

Как будет вести себя подобный современник—в качестве ученика, студента или доцента — по отношению к пролетарскому движению и какое влияние окажут его позиция и поведение на манеру его научного творчества?

Мы должны в связи с этим установить следующее: средний ученый, каких Германия с 1918 г. видела в изобилии на поверхности общественной жизни, враг не только пролетарской, но и буржуазной демократии.

Ведь буржуазная демократия означает для него популяризацию (т. е. удешевление) науки и тем самым обесценение нынешних монополистов науки.

Далее буржуазная демократия означает для него единую школу, иными словами — образование ужасно многих конкурентов, которые в высшей степени угрожают его материальному и социальному положению.

Буржуазная демократия означала (и продолжает еще означать) для широкого круга академиков повышение ма-

териального положения пролетариата по сравнению с академиком, оценку (и обесценение) его личности и его творчества, против чего щекотливое самосознание ученого мужа, конечно, непосредственно и горячо протестует.

Буржуазная демократия, кроме того, означает для современного немецкого интеллигента усиление интеллектуальной конкуренции евреев, которой противостоять он себя не чувствует в силах.

Пролетарская демократия (диктатура пролетариата) означает для специалиста естественника и техника социализацию его предприятия и тем самым быть может понижение его нынешних ставок, содержащих в себе элементы подкупа. Определенные отрасли гуманитарных наук, наконец (богословие, языкознание, история, философия), видят в предстоящей диктатуре — и не без основания — вообще оспаривание их права на существование, как наук, в их современной форме.

Неудивительно поэтому, если мы—в Германии, как и в Австрии—находим ученых на самом правом фланге общества, где эта соль земли утверждает свою славную троицу (пиво, железный крест и монархизм) и при предстоящей социальной борьбе превратится в иступленных зверей ¹.

Таким образом, пролетарская революция субъективно не должна ожидать со стороны большинства ученых ничего путного.

Как же обстоит дело с объективным результатом их творчества? Мы увидим научный результат исследовательской работы этих духовных контр-революционеров, когда нащупаем их марксистским зондом, т. е. с точки зрения интересов пролетарских масс? Посмотрим же!

¹ Маленькую иллюстрацию к этой главе представляет сообщение газеты «Rote Fahne» от 27 апреля 1922 г. о Берлинском Университете: при записи на летний семестр ректор, лауреат Нобелевской премии Нернст, потребовал от вновь поступающих студентов присоединения из чувства национального долга к столь полезному обществу технической помощи.

Одновременно он указал на объявление помещицкого союза и рекомендовал студентам взять на себя эту штрейкбрехерскую роль. Тотчас же появился некий субъект, который зарегистрировал вновь завербованных студентов.

II. Исследовательская работа.

(К социологии академизма).

а. Организация.

Представим сначала формальную сторону исследовательской работы, т. е. характер, размеры и качества тех организаций, которые устроены в целях приобретения научного опыта.

Высшая школа есть высшая школа, так кажется на первый взгляд. Однако, мы очень скоро замечаем, что ученое учреждение имеет не всегда одинаковый характер, что между исследовательскими институтами существует значительное различие; их можно свести к двум основным типам: естественно-научно-технический и филологически-исторический.

Современная промышленность, для потребностей коей в первую голову работают естественно-научно-исследовательские институты, состоит отчасти из колоссальных предприятий (Leuna, Borsig, Siemens, Krupp). Практически организационный дух в американском масштабе неизбежно отражается на практике этого организованного под его влиянием теоретического исследования. При этом обнаруживается, что сложные проблемы могут быть разрешены лишь путем сотрудничества многих математиков, физиков, химиков, геологов и т. д. Крупно-исследовательские предприятия в роде института императора Вильгельма (Берлин) и медицинских клиник — отчасти без учебных учреждений, отчасти же непосредственно примыкающие к промышленным предприятиям — возникают таким образом: они организационно уподобляются капиталистическому крупному предприятию, превращаются в часть всего хозяйственного базиса.

Какое огромное различие между этими учреждениями и исследовательскими филологически-историческими институтами!

Здесь как бы воплощается сказка о спящей царевне.

Вокруг дома как бы живая изгородь из роз; часы и разум остановились. В покрытых архивной пылью комнатах громко раздается храп спящих. И где-то в отдалении, как в сказке, поджидает мальчик, чтобы, после перерыва на целое столетие, с невиданной силой обрушился на просыпающегося удар...

Шутки в сторону: переходя от естественно-научных институтов в семинарии по общественным наукам, мы чувствуем себя, как если бы переменили железо-бетонную атмосферу Ратенау, Круппа и Стинеса на старо-франконский стиль Коцебу, Ляфатера и Шпицвега.

В культурно-историческом отделе наша эпоха—эпоха высшей и позднейшей стадии капитализма—не нашла себе соответственного выражения! Мы подходим тут впервые к центральному пункту нашего анализа: к вопросу, почему общественные науки буржуазной академии имеют тот вид, который им присущ.

Их организационная форма носит следующий характер: мелкое или карликовое предприятие, один доцент с одним или несколькими помощниками (ассистентами), полная изоляция, оторванность от сотоварищей по собственной специальности и еще большая оторванность от смежных специальностей.

Это напоминает блаженной (несчастной!) памяти эпоху раннего капитализма, даже «добрый» старый дух крепостного средневековья, от которого по своему содержанию недалеко ушли некоторые гуманитарные дисциплины ¹.

Не существует ни однообразной постановки вопросов, вытекающей из господствующей философии, не существует и самой этой господствующей философии. Веселая анархия! Трудолюбивое отшельничество! Каждый самодовольно производит сам по себе, не тревожимый в постановке вопросов никакой общей системой культурных ценностей. Когда Карл Лампрехт в Лейпциге сделал попытку создать общественно-исторический Институт—далеко еще не в форме треста, подобного техническим институтам, но в форме свободного картелля и тем победить замкнутый дух этой новой схоластики, произошла целая буря в академическом стакане воды. Лампрехта, несомненно, об'явили бы большевиком, если бы это слово было тогда известно.

То, что по инициативе Лампрехта возникло в Лейпциге—об'единение различных исторических подсобных дисциплин в свободный синдикат, едва ли соответствовало желанию энергичного либерального историка. Но если он действительно большого не желал, то мы должны сказать, что

¹ Мы имеем в виду при этом эпоху упадка средневековья, когда оно превратилось в карикатуру своей собственной прежней мощи и замкнутости.

этот «революционер» был очень скромнен в своих планах. Мы этим не способны удовлетвориться!

Во всяком случае, мы должны уделить наше внимание институтам Лампрехтовского типа. Здесь исходный пункт диалектического развития нового общества. Как в трестах и технических институтах, капиталистическое общество наметило здесь организационные зародыши централизованной исследовательской работы в области общественных дисциплин, из которых когда-нибудь вырастет мощное дерево.

Вопрос в сущности не в том, находится ли современное состояние общественно-исторического творчества в стадии средневековья. Этот факт отчасти довольно открыто признают некоторые вдумчивые буржуазные доценты.

Важнее, почему подобное состояние имеет место? Почему буржуазия не приспособляет эту часть культурной надстройки к высоко-развитому капиталистическому базису? Почему не проводится либеральная (позитивистская) философия? Почему Лампрехт рассматривается, как подозрительный сокрушитель основ?

Мы пока ответим на это в общих чертах: повидимому, общественно-исторические познания, наилучшим образом приспособленные к современным отношениям собственности, лучше всего добываются в старомодной форме мелкого производства? Артиллерийские сапоги Бисмарка для промышленно-финансовой крупной буржуазии оказались более симпатичной формой политической надстройки, чем так называемая буржуазная демократия.

Это предположение возбуждает в нас любопытство узнать, каковы продукты творчества различных академических отраслей. Их обзор даст нам ключ к анализу духовной жизни буржуазного общества и тем самым рычаг для нашей марксистской—теоретической и практической—критики ее!

в. «Точное» естествознание.

Некоторые марксистские критики—«иконоборцы»—очень легко выносят свое суждение о современной науке. Делая при этом решительный жест, они презрительно бормочут: «Буржуазная наука!» и тем самым для них с наукой покончено, вопрос разрешен.

Подобный метод (ложный метод!) действует варварским орудием. У Маркса и его диалектического способа мышления, он, к сожалению, ничего не перенял, кроме имени (Ленин назвал бы это «Интеллигентским ребячеством левизны»). Диалектик знает, что культура не однородна, подобно мешку гороха, что каждый общественный строй имеет свои противоречия и что в недрах его подготавливаются зародыши новой общественной эпохи.

Для диалектика тем самым не все, что создано буржуазными руками в буржуазном обществе, лишено ценности и непригодно для будущего общества. Постольку он, очевидно, приближается к тем, кто считает точные естественные науки за нейтральную почву, по отношению к которой не может быть и речи о классовой обусловленности. Правда, по отношению к природе все хозяйственные формы имеют одинаковый интерес: человек стремится познать ее силы, господствовать над ними и использовать их, чтоб на расчищенном таким образом естественном базисе воздвигнуть прочное здание социальной культуры. Не только некоторые логические процессы общи всем культурам и даже многим животным формам, не только математические законы числа и меры, опирающиеся на такие логические элементарные процессы, применимы для всякого общества, но и совокупность современных физико-химических и технических познаний и гипотез, несомненно, войдет составной частью в революционизированную пролетарскую, хозяйственную систему. (Не существует одного Пифагора для крупного буржуа и другого Пифагора для пролетария! Сторонники II и III Интернационала вынуждены пользоваться теми же таблицами логарифмов, а закон сохранения энергии лежит в основе расчетов как частного хозяйства, так и социализированных предприятий).

Но если мы устранили «левое ребячество», мы вынуждены также выступить самым решительным образом против «правого ребячества». И в этой области в классовом государстве не существует гармонии между господами и рабами! Отблески социальных противоречий и борьбы озаряют даже и нейтральную область естественно-научного и технического знания!

Мы поясним это несколькими примерами!

Рабы мировой Римской империи, несомненно, встретили бы ликованием каждое механическо-техническое изобретение.

Машины для них означали бы облегчение и сокращение их труда. Но рабочие силы были тогда дешевы, а средства производства дороги. Иными словами, отношения собственности превращали господствующий класс в противника естественно-научных открытий! Изобретений не появилось: если же они и появлялись, ими не пользовались. (Ручная мельница продолжала применяться даже тогда, когда водяная мельница была общеизвестна. Рыночная цена раба была все же ниже стоимости оборудования водяной мельницы!). Различные классы относятся к требованиям техники, т. е. средствам господства над природой, прямо противоположным образом. Порабощенные мечтают об изобретениях, облегчающих труд, тогда как господа всеми средствами их привилегированного социального положения борются против применения подобных изобретений¹.

Изобретатель (работник на поприще естественно-научного творчества) в древности и даже в раннюю-капиталистическую эпоху—естественный враг господствующего класса, класса, который презирает технический гений и который находит заслуженное пачевное убежище в лабиринтах реакционной Платоновской философии.

Как в древности, так и в новое время отношение господствующего класса и масс к технике не были всегда одинаковы. Мы можем различить три фазы:

Первая фаза: Начало эпохи машин. Рабочие силы дороги, но машины все же еще дешевле. Прибыль манит и буржуа высоко поднимает знамя технического прогресса. Массы консервативны, они чувствуют веревку, готовую затянуть их шею, они борются с проявлениями естественно-научного познания. Первый пароход появляется на Фульде—разъяренные лодочники разрушают его. В Англии появляются ткацкие станки. Луддиты штурмом берут фабрики и с

¹ До товарного производства, до появления капитализма! Как только возникает капитализм—резкая перемена декораций: господа стремятся к техническому прогрессу, рабы же, подвергающиеся благодаря ему беспощадной эксплуатации, пытаются помешать ему, путем разрушения дорогих машин, т. е. способом, который по Марксу с одинаковым успехом применялся и две тысячи лет спустя рабами на американских плантациях.

Но как бы ни протекала история, делает ли она благосклонными к техническому прогрессу господ или рабов, доколе существует классовое общество с взаимно-противоречивыми интересами, не может быть и речи об едином образном отношении всех членов общества к естествознанию.

ужасной яростью разрушают враждебные стальные механизмы. (Итак: отношение господ к естествознанию положительно (+), отношение масс отрицательно (—).

Вторая фаза: Луддитов отправляют в ссылку, они погибают в штрафных колониях, тюрьмах или на виллисах. Машина побеждает, пролетаризация масс становится всеобщей. Но мыслящий пролетарий, как и раб античной древности, начинает замечать, какое огромное сбережение сил и времени доставляет разумно применяемая техника. Его исконное недоверие к естествознанию изменяется в глубокую симпатию к нему. Буржуа, не встречая препятствий, поддерживает прогресс техники: он все еще выигрывает. (Буржуазия +, пролетариат +). Гармония, по крайней мере в принципе, несомненна.

Третья фаза: Пролетариат окреп. Но буржуазия пока что еще сильнее. Ее рост начался с картелей, он заканчивается на трестах. Трест железной рукой господствует над рынком, диктует цены, регулирует производство.

Предел достигнут, и отныне начинается преобразование. Сбыт гарантирован даже при неизменном способе производства (путем господства над рынком). Таможенные пошлины охраняют от более дешевых, благодаря применению новых открытий иностранных изделий. Металлургические, металло-обрабатывающие предприятия бывшей Дунайской Империи не позволяют возникнуть рядом с собой никакому новому современному предприятию¹.

Германский союз цементного производства защищает извне таможенными пошлинами, а изнутри подкупом свою отсталую производственную систему². Цены железных и стальных товаров растут, квартирная плата становится непомерной, пролетарий ропщет и требует введения удешевляющих изобретений. Но предел прибыли достигнут. Капитал упирается, дальнейшее улучшение техники невыгодно, и кулак-буржуа, который некогда размахивал знаменем прогресса, трусливо хватается за дубинку реакции. Отношения собственности уже более не соответствуют стремительно выросшим производительным силам. Частная собственность и естествознание приходят в противоречие друг с другом. В воздухе пахнет социальной революцией. Пролетариат освободит технику из лап задерживающей ее развитие консервативной буржуазии. Диктатура пролета-

¹ Е. Варга—Экономические проблемы при диктатуре пролетариата.

² А. Гортен—Социализация и восстановление.

риата будет иметь своим последствием огромный переворот в естествознании и технике (какой только знает мировая история).

(Буржуазия —, пролетариат +).

Этой формулой выражается не только положительное противодействие акционеров буржуазных трестов новым техническим идеям, но и факт строительного безразличия буржуазии ко всем естественно-научным открытиям, поскольку они не могут быть использованы в целях повышения прибыли (Это верно, например, для значительной части машино-строительной, электротехнической промышленности, а также для промышленности строительных материалов).

Частное хозяйство не способно финансировать изобретение, которое не обещает тотчас же значительных выгод в течение ряда лет. Но это может сделать социализированное хозяйство!

Мы резюмируем:

Развитие естествознания также определяется историческим состоянием производственных, т. е. имущественных, отношений. Интенсивность и направление развития естествознания непосредственно зависит от данного социально-экономического положения. Буржуазия, бывшая некогда повивальной бабкой при распространении современного естествознания, теперь лишь условно и частично заинтересована в содействии ему¹. Там, где технический процесс и прибыль вступают в противоречие, капиталист превращается в официального врага культуры; там, где технический прогресс не может быть реализован в виде прибыли, капиталист становится безразличен к культуре.

Эта буржуазная преграда помех и равнодушия может быть разрушена лишь путем сокрушения буржуазных отношений господства и собственности. Таким образом, пролетарская революция, с одной стороны, является исходным пунктом новой эпохи расцвета естествознания, с другой стороны, заключительным моментом фазы, в которой естествознание — «буржуазно», т. е. ограничено и связано чуждой прибылью.

¹ Невыгодные предметы массового потребления, наоборот, пышно расцветает производство предметов роскоши: румян и белил, средств искусственного дурмана и т. п.

с. Биология.

Если таким образом интенсивность в развитии точного естествознания и постановка им проблем в буржуазную эпоху обусловлены наличной экономической структурой, то нечто подобное имеет место также и в области науки о жизни, т. е. биологии в широком смысле слова.

Что современная физиология животных и растений, например, стала возможной лишь на основе достигших зрелости точных наук, со времени изобретения микроскопа и точнейших приемов наблюдения и измерения, азбучная истина, которая, однако, может послужить подтверждением марксистской точки зрения. Точно также неоспоримым фактом является и то, что лишь машинный способ производства в крупно-капиталистическом сельском хозяйстве Америки и Западной Европы мог повести к разрешению ряда вопросов научной агрономии. Наконец то, что повысившаяся потребность в средствах существования (и тем самым переход к рациональному, научно-поставленному сельскому хозяйству) вызвана ростом промышленного населения, т. е. капитализацией промышленности, это знает теперь каждый ребенок—это мог бы, во всяком случае, знать каждый ребенок, если бы в школах преподавалась подлинная история, а не псевдо-история. Открытое Либихом в середине прошлого столетия искусственное удобрение, быть может, могло бы иметь место, как индивидуальное явление, несколькими годами или поколениями раньше. В мировом масштабе мысли Либиха могли найти себе применение лишь тогда, когда нужда в средствах существования, т. е. в более интенсивном, использующем даниые био-химии, сельском хозяйстве, стала общим требованием индустриализирующегося мира.

Мы предоставляем детализацию наших взглядов специалисту биологу, а с нашей стороны прибавим лишь следующее: интенсивность в развитии биологических наук, равно как и постановка в них проблем также, как в химии, физике и технике, зависит от исторического состояния общества (в данный момент, значит, капиталистического). Существующие «буржуазная» биология, творчество и реализация биологических открытий (например, в сельском хозяйстве, текстильной промышленности и производстве питательных веществ) ограничены рамками частно-хозяй-

ственной прибыли. Раскрепощение на 100% прикладной, равно как и теоретической, биологии возможно лишь после предварительного придушения существующих буржуазных отношений господства и собственности!

Приведем один пример, до чего существующий правовой порядок сковывает в прикладной биологии, медицине, постановку проблем и интенсивность ее развития. Буржуазная эпоха требует людей, много людей: рабочий скот для фабрик и пушечное мясо для империалистической политики. Поэтому препятствовать зачатию (у пролетариев)—грех с точки зрения буржуазии, так как это угрожает отношениям собственности. Парламентская машина приходит послушно в движение, действует, и закон против «средств», абортов, акушерок и угодливых врачей готов.

С научной точки зрения, это означает, что медицинская проблема воспрепятствования зачатию под угрозой тюремного заключения не может быть даже поставлена, не может подвергнуться научному исследованию (и не может быть разрешена)!

Только такой общественный порядок, который порвет с политикой классового государства (а может порвать, потому что он не нуждается ни в резервной промышленной армии внутри страны, ни в грабительской империалистической армии во вне!), т. е. только коллективистический порядок будущего, способен открыто заняться проблемой народонаселения, современное состояние которой кормит психиатров и могильщиков и пугает все население, только коммунистический общественный порядок может разрешить эту проблему.

Наш пример самым очевидным образом свидетельствует, что и вопросы научного исследования в конечном счете зависят от общественного соотношения сил!

Впрочем, не только само развитие теоретического исследования ¹ и способы практического применения (две стороны,

¹ Ниже мы указываем применительно к вопросам биологической популяризации на два пробела, вытекающие из недостаточности буржуазного представления об истории, а именно: на пренебрежение к социологии животных и на недостаточное внимание к естественному процессу производства при развитии видов. Уже констатированное Энгельсом в Анти-Дюринге пренебрежение к проблеме размножения у животных безусловно связано с хаотическим характером нашей академической науки, которая систематически отбрасывает самую социологию, а еще более расширение постановки социологических вопросов на все смежные дисциплины.

фактически нераздельные, одного и того же дела) связаны социально-экономически, т. е. ограничены сейчас рамками буржуазного общества, но использование биологических наук для построения мировоззрения совершается *sub specie societatis*—с общественной точки зрения.

Поучительным примером этому является проблема наследственности.

Единичный исследователь, до известной степени,—продукт случая. Но распространение его идей не случайно. Оно подчинено социальным законам.

Одно направление в теории наследственности защищает унаследование приобретенных свойств. Противоположное направление, напротив, старается доказать устойчивость постоянных свойств.

Спрашивается, какое направление встретит одобрение общественного мнения, т. е. капиталистической прессы, буржуазной философии, и будет соответствовать буржуазным отношениям собственности?

Конечно, теория устойчивости постоянных свойств, ибо из нее вытекает бессмысленность коренного изменения среды, что логически служит центральным аргументом против пролетарской революции.

И действительно: неоменделизм, новейшая форма теории устойчивости, процветает пышнее всего в Соединенных Штатах! Напротив, Камерер «со своими саламандрами» подвергается беспощадному вышучиванию и встречает помехи на пути академической выслуги за свою вредную для буржуазных отношений собственности теорию. Само собою понятно, что идея (полезная для существующего порядка) «углубляется», окружается и поддерживается огромным аппаратом исследовательского материала. Это снова показывает, что в «последней инстанции» социально-экономическая действительность, социальное бытие дает импульс также и научному исследованию (О фактической и необходимой «внутренней закономерности» науки мы говорим позже).

В тесной связи с теорией наследственности находится расовый вопрос. Мы придерживаемся того мнения, что расовая проблема существует, т. е. что исторически образуются, и исчезают своеобразные антропологические типы, обладающие относительным постоянством. Злоупотребления проблемой расы возникают не из признания ее, как таковой, но лишь из использования некоторых черт расы в целях

переоценки собственной и недооценки конкурирующей рассы.

В Северной Америке всеми научными средствами «доказывается» отсталость негра. Утверждают, что существует «специфический» запах негра, который по Максу Веберу ни что иное, как нормальный запах, напрягающего при работе свои силы, человека. Утверждают, что негр «интеллектуально отстал» что, однако, не может быть доказано, согласно тому же исследователю, так как негра изгоняют из высших школ для «белых», а исследовательские институты для негров пока что понятно еще мало удовлетворительны. Макс Вебер считает легенду о негре просто выражением социального презрения к рабочей скотине, которое поддерживается в массах среди белых более низкой заработной платой негров.

Негром Европы является еврей. И легенде в Соединенных Штатах о негре соответствует в Европе легенда Гобино, Чамберлена, Аммона, Бартельса и др. о еврее. Каррикатурной заслугой буржуазной псевдо-науки является превращение социальной проблемы еврейства в антропологическую и придание ей фантастически погромного характера. Заметим при этом, что тут в форме биологических воззрений нашли свое выражение противоречия интересов внутри класса капиталистов (борьба между крупной земельной собственностью и тяжелой индустрией, с одной стороны, банковским и торговым капиталом, с другой стороны), рядом с этим противоречие между еврейской и нееврейской интеллигенцией.

Третьим пунктом, где биология выливается в проблемы мировоззрения, является теория развития. Официальные препятствия к распространению этой теории в школах имперской Германии считались религиозным и патриотическим долгом для защиты существующего порядка собственности и власти. Маркс рассматривал Дарвина, как не вполне зрелого завершителя своей социологической теории развития в области органической природы. Официальная наука, ее политические кулисы всегда оценивали Дарвина и Геккеля также с этой точки зрения. Дарвин — это социал-демократ в области естествознания!

Таким образом, за борьбой в вопросах о развитии органического мира скрывалась борьба за собственность землевладельцев и крупных капиталистов, которые на этом обходном пути разрушения ветхозаветной религиозной

картины мира и признания всесокрушающего процесса эволюции чувствовали под угрозой духовные основы своего привилегированного положения. «Научные» попытки совершенно отвергнуть органическую эволюцию не прекратились поэтому и по сей день, но в общем и целом буржуазная наука вынуждена была покориться в этом вопросе. Слишком уж много оказывалось противоречий, слишком уж карикатурной оказывалась картина мира, когда ее пытались серьезно обосновать, отвергая эволюцию. Таким образом, факт эволюции признается, а контр-революционная деятельность переносится в другую плоскость. Каким путем идет развитие? По принципу медленного нарастания или скачками, эволюционно или революционно?

Таков вопрос, за которым скрывается совершенно неприкрашенная политическая действительность сегодняшнего дня. Совершенно понятно, что направление исследования любовно и тщательно подбирает факты в пользу контр-революционных выводов, напротив факты, свидетельствующие в пользу революции (напр., теорию мутаций де-Фриза), принимается лишь неохотно. Это понятно, если принять во внимание социальную психологию немецкой академии. Ее настроение враждебно революции. Направление исследований «само по себе» идет вправо; для этого нет даже нужды в официальном давлении со стороны Гуго Стиннеса, тем более в его деньгах. Почему тем не менее из рядов национально - консервативно - настроенных ученых выходят иногда важные положения в духе мировоззрения революционного марксизма (Семон-Мюнхен, Геккель-Иена), будет объяснено нами ниже, когда мы установим и проанализируем характер духовного творчества.

Биология таким образом «буржуазна» в двойном смысле: во-первых, в ее непосредственных практических применениях и вытекающей отсюда постановке вопросов и интенсивности исследовательской работы, во-вторых, в составных частях, относящихся к ее мировоззрению: наследственность, расовый вопрос, теория развития, где наряду с идеями, гармонирующими с отношениями собственности, всплывают и другие, революционные идеи (Камерер, де-Фриз), но где также несомненно имеет место тенденция к предпочтению контр-революционных фактов, к умалению и обезвреживанию противоположных результатов исследования.

С изменением нынешнего общественного порядка про-

изойдет также изменение характера современной биологии, ее теоретических и практических философских элементов.

d. Общественные науки.

α. Метод.

Область общественных наук является в буржуазную эпоху той официальной боевой ареной, на которой капиталистические классовые воззрения и отношения собственности господствуют самым неприкрашенным и бесстыдным образом. Но, конечно, и здесь нельзя отрицать оттенков, в зависимости от природы предмета: каинову печать классового характера не так легко рассмотреть в науках, изучающих развитие искусства, как в науках о государстве, хозяйстве, или в исторической науке. В то время, как в естественных науках, биологических или химико-физических, общественное влияние отражается прежде всего на постановке вопросов и интенсивности их разработки, в общественных науках сам метод исследования непосредственно определяется экономической структурой общества, социальными отношениями господства при капитализме. Посредственно этими отношениями определяются и методы естествознания¹. Исторический материализм, как монистическое мировоззрение (в общем масштабе) в буржуазных общественных науках — вещь невозможная.

Последовательное марксистское мышление означало бы признание противоречий, установление переходного характера современного общества. Больной, естественно, не хочет и слышать о своей смерти, и буржуазия, как класс, вообще не испытывает никакого удовольствия от непрерывного похоронного звона над нею, и, понятно, не станет к тому же оплачивать звонарей.

Она отказывается поэтому от опасного марксистского мировоззрения, так как она охотнее предпочитает уступить в отдельных научных фактах, чем отказаться от своего привилегированного положения, опирающегося на присвоение прибавочной стоимости. Но так как все немарксистские мони-

¹ Само собой разумеется, что метод общественных наук отличается от метода естествознания еще в силу своеобразия своего предмета. Конечно, и эта граница не застывшая и не абсолютная; также и вне человеческого общества существуют исторические законы, законы развития, но об этом в другой раз.

стические воззрения, как бы построены они ни были, имеют теперь фатальную тенденцию сблизиться с распространенным в воздухе историческим материализмом (смотри философию культуры Гердера или патриотического географа Ратцеля, которого Кунов справедливо назвал полумарксистом), то поэтому предпочитают отказаться от всякой общей точки зрения и ограничиваются трудолюбивым исследованием узких проблем собственной специальности без единого взгляда вправо или влево, в особенности, влево.

Ремесленное мелкое производство, которое приблизительно соответствует экономическому уровню высшей негритянской культуры, совершенно подходящая организация для такой отшельнической специализации. Остановливаясь на уже превзойденном средневековом способе производства, можно тем самым счастливо избежать всякой коллективной работы, в которой приходится опасаться неприятных сюрпризов.

Ибо — и тут мы подходим к важному моменту настоящей работы — неприятные сюрпризы нежелательны! Современные методы исследования, богатые и плодотворные результаты означали-бы не укрепление, но скорей опасное ослабление существующих отношений собственности.

Рихард Авенариус высказал о научном мышлении мнение, что оно подчиняется закону экономии сил. Его тезис, вытекающий (как и весь современный позитивизм) из естественно-научного фундамента буржуазного общества, имеет в этом фундаменте свое оправдание. Производить экономно значит производить выгодно, а выгодное производство означает в промышленности повышение уровня прибавочной ценности, повышение нормы прибыли. Поэтому все капиталисты — сторонники принципа экономии в естествознании и технике, а позитивизм — направление естественников.

В этом отношении вполне прав Авенариус. Но он не прав, когда он старается обобщить свое положение, желая распространить его и на общественные науки. Принцип наименьшей затраты сил, распространяемый на историко-филологические дисциплины, имел бы своим последствием не укрепление, но грубое потрясение духовных основ буржуазного мира. До конца продуманный капитализм есть капитализм, осужденный на смерть. Буржуазия может только тогда наслаждаться покоем, когда ее собственная филосо-

фия, бесплодная и все обеспложивающая, сама находится в состоянии покоя. Введение позитивистского принципа экономии в замок спящей царевны академической науки неизбежно привело бы к разложению буржуазного самосознания, оказалось бы планомерно-организованным самоубийством господствующего класса.

Поэтому позитивист Карл Лампрехт считается опасным революционером, поэтому позитивизм не является философией буржуазных общественных наук, поэтому он никогда и не может стать такой философией под угрозой гибели философствующего класса.

Если для естественно-научной части капиталистической науки (и культуры) в широком масштабе применим принцип наименьшей затраты сил, то напротив, для идеологической надстройки, для буржуазных общественных наук применим принцип наибольшей затраты сил! Чем меньше тут производят, тем лучше для отношений собственности.

Теперь в наших руках ключ к разрешению социологической проблемы отсталого состояния наших историко-филологических факультетов! Их анархический индивидуальный способ производства оказался в удивительном соответствии с совокупностью социальных условий. Всякое изменение направления, в духе организованного Лампрехтом проф. Лейпцигского Института для исследования культуры, вызывает неудовольствие и что не вызывает раздражения. По принципу самосохранения, состояние буржуазных общественных наук должно быть таким отсталым, каким оно и является. Серьезное преобразование этой структуры было бы самым надежным признаком, что отношения господства приближаются к заключительному социальному кризису (Подобно тому как выступление французской просветительной философии было похоронным звоном, возвещавшим о приближении великой буржуазной революции).

Сознанию участников, естественно, дело представляется иначе. Каждый, жующий свою жвачку, филолог пишет свою историческую грамматику во имя священных национальных ценностей, он, вероятно, даже презирает слишком «материалистического» промышленника или финансиста, которому он вовсе не желает уподобиться, от которого он отнюдь не желает получать публично боевой пароль. Он

только-человек, немец и т. п.! Ни в коем случае он не буржуа, не капиталист! И он совершенно прав! Он так же мало капиталист, как не является крокодилом и та птичка, что вытаскивает насекомых между чешуйками крокодила, но подобно тому, как птичка и бронированный хищник могут дружно жить вместе, друг друга дополнять и помогать взаимно — в то время как крокодил не может существовать рядом с вооруженным человеком! — точно также средневековые филологические, исторические, культурно-хаотические общественные науки наших академий дополняют и помогают жизни и деяниям крупных капиталистических хищников.

Мы подробно остановились на этом, так как считали себя обязанными так поступить, следуя духу марксистского метода. Недостаточно назвать современного ученого «буржуазным» или «капиталистическим», как если бы он был оплачиваемым «наемником буржуазии», т. е. находился в сознательной зависимости и на службе у определенных банкиров, купцов или фабрикантов. Положение вещей далеко не так просто!¹

Резюмируем теперь все наше рассуждение: Метод социальных наук:

1) не является марксистским. Этому мешает выясненная выше антипролетарская, антисоциалистическая позиция среднего ученого. Лишь очень немногие вообще добрались до Маркса, а из этих немногих, что читали его, лишь ничтожная часть хоть сколько-нибудь его поняли. Среди последних господствует тактика открыто «опровергать» Маркса, а тайно использовать его по мере своих сил (Зомбарт и Опенгеймер принадлежат к этой последней категории, причем мы все же не должны переоценивать понимание Маркса этими учеными).

2) Не является монистическим. Под монизмом мы не понимаем, однако, простой формулы, которую при случае придают своим взглядам. Подобные формулы высказываются всеми учеными в области социальных наук при торжественных случаях и в предисловиях к своим «бессмертным» произведениям. Это признак того, что признается необходимость придать своим воззрениям некото-

¹ Только раскрывая то, что Энгельс именует «промежуточными звеньями», что мы называем социальной трансформацией по вертикали, мы получаем правдоподобный, соответствующий действительности, конечный результат (См. главу об исследователе).

рое социальное единство. Но признаком дело и ограничивается. В повседневной действительности и в «бессмертных произведениях» эти признания остаются в замкнутом кругу специалистов, а отдельные, стремящиеся к целостности ученые (вроде Зомбарта) рассматриваются, как отступления от нормы, и не принимаются всерьез.

3) Метод этот зато—является в полной мере культурно-хаотическим. Отдельные тому примеры и доказательства мы представим позднее.

На вопрос о причине такого состояния мы отвечаем: ремесленное мелкое производство строится по такому принципу, чтобы при величайшей затрате энергии достигать наименьших результатов¹. Эта форма производства является наилучшей помехой для развития всех тех знаний, которые способны доставить современному господствующему классу лишь беспокойные минуты и при отсутствии которых ему живется значительно лучше. Как буржуазия имперской Германии не желала никакой буржуазной революции, ибо она знала, что эта революция не сможет остаться чисто буржуазной, что она «пойдет слишком далеко» и направится по пролетарскому руслу, точно также буржуазия не желает более никакой современной крупнобуржуазной идеологии (в смысле позитивизма), так как она знает, что и эта духовная революция должна пойти «дальше» и перейти в фарватер марксизма.

Поэтому пролетариату предстоит при новом им созданном, общественном порядке, превратить в действительность научные идеалы крупной буржуазии (равно как ее идеалы в области женской эмансипации и воспитания).

Пролетариат проведет принцип минимальной затраты энергии, научно-экономический принцип не только в области естествознания, но и полностью на поприще социальных дисциплин! В рядах революции есть теоретики, которые отвергают Маха, т. е. позитивизм, и хотят его подвергнуть пересмотру с точки зрения классической немец-

¹ То, что производится методами официальных общественных наук, лучше всего иллюстрируется совершенно откровенным презрением современного буржуа к своим «теоретикам» и к их теориям. Банковские и промышленные дельцы знают очень хорошо, как по-детски наивна идиллическая картина общества в изображении оплачиваемых ими пташек; и они точно также хорошо знают, что представляет собой тот вооруженный с ног до головы пролетарий, о которого разобьется когда-нибудь господство капиталистических акул. Но разгром Маркса буржуазией—статья особая. Об этом в другой раз.

кой философии. Это отнюдь не диалектично. Мах, как последовательный — слишком последовательный! — философ либеральной буржуазии, стоит в таком же отношении к философии будущего коллективистического общества, как крупное капиталистическое производство современности к социализированной промышленности будущего.

Противопоставить Канта Маху то же, что мелкое производство и мануфактуру XVIII века — Стиннесу и Круппу. Нельзя диалектически преодолеть Маха, идя назад — Кант позади! Остается лишь один путь — вперед к Марксу!

β. Система наук.

Мыслителю немарксисту может показаться возвратом к временам общественной пирамиды эпохи абсолютизма, если мы скажем, что основным отличием современной науки от науки будущего является отсутствие в первой иерархии ценностей, которая мощно расцветет в будущем обществе и приведет к плодотворным организационным последствиям и результатам. На центральном плане буржуазной эпохи находится прибыль, преклонения пред которой никто от нас, конечно, не потребует.

На центральном месте социалистической эпохи выступит человек, т. е. интересы огромного большинства населения, воплощаемые волей этого самого большинства. Прибыль не способна была по уже указанным нами основаниям создать иерархию духовных ценностей, однообразную и организованную систему общественных наук.

Напротив, анархия связанного лишь узами «наличного расчета» буржуазного мира находит себе правильное отражение в анархии университетов, в плачевном состоянии живого трупа, главная функция которого заключается в том, чтобы своими трупными выделениями подавить угрожающий исторический прогресс.

Приведем пример.

Китай является ныне центральной проблемой пацифистского империализма. Среди современных великих держав он обладает самой древней культурой. Ему принадлежит одна из богатейших мировых литератур. Четверть всего населения земли — китайцы.

Систематическое и практически пригодное исследование китайской проблемы, даже с точки зрения империалистической немецкой буржуазии, было бы безусловно необходимо. Но так как академический анархизм процветает

определитель ценностей перестал функционировать, то деньги тратятся на дюжины кафедр по греческой, древнеиндусской, египетской, ассирийской, берберской и т. п. истории. Для современной же китайской проблемы до войны было создано—подумать только!—лишь полторы кафедры, из коих одна к тому же (в Берлине) безмятежно уснула¹.

Что же сумел нам сказать единственный—до учреждения Гамбургской кафедры—ординарный профессор синологии в Германии de-Groot (в Берлине) об участии, структуре и сущности китайской культуры?

Ничего! Меньше чем ничего!.. хуже чем ничего! Если мы попробуем по содержанию и духу трудов de-Groot'a составить себе представление о восточно-азиатском мире, то мы придем, приблизительно, к таким результатам:

Китайцы рождаются для того, чтобы при рождении подвергаться некоторым религиозным обрядам, вырастают для того, чтобы приносить жертвы своим предкам, работают, чтобы торжественно справить религиозные праздники, женятся и воспитывают детей опять-таки для того, чтобы молиться и приносить жертвы, и наконец, тут профессор облегченно вздыхает, умирают, чтобы доставить господину де-Грооту лишний повод к микроскопическому описанию религиозных обрядов (на этот раз похоронных).

И это мир, и это зовется миром! А то, о чем хотелось бы знать, об этом ничего не говорит официальный толмач культуры Срединной Империи. А то, о чем он говорит, не представляет никакого интереса. Нет метода, метод хаотичен, так как филология ведь не есть социологический метод. Картина общества, данная профессором, застывшим в своем средневековом мелком производстве и превратившимся в средневековую развалину, носит еще более детский, бесплодный характер, чем рассказ какогонибудь миссионера. Наше познание не развивается, так как духовная энергия массами расточается в ложном тупике, напротив, скорее происходит систематическое и интенсивное противодействие в выработке разумного представления об обществе.

Наука превращается в средство сбить с толку. Раб обращается против своего собственного господина. Система культурной анархии, в общем и целом чрезвычайно выгодная для существующих отношений собственности, ста-

¹ Гамбург (крупный коммерческий город) наконец пригласил ординарного профессора по синологии. Капля в воду на раскаленной скале!

новится в этот момент, безусловно, невыгодной для них—путем забавного диалектического превращения¹. Но в общем, выгодные для буржуазий стороны системы слишком перевешивают отдельные невыгоды ее, чтобы она чувствовала себя вынужденной произвести реформы в духе позитивизма. Поэтому с улыбкой прикрывают глаза на их невыгоды и в конкретных случаях прибегают к помощи тех или иных средств!

Ибо купец или буржуа-путешественник, как реалист, очень хорошо знает своих молодчиков, он предоставляет многочисленные произведения де-Гроота изучению его академических коллег, которых ему не жаль, и ищет необходимые ему сведения о Китае в маленькой книжке, составленной одним молодым приват-доцентом. Эта книжка содержит, быть-может, ошибки в деталях, это вполне возможно, так как первый набросок никогда не бывает безошибочен. Но эта книжка в основе которой—о ужас!—лежит марксистский метод, ясно видит проблему, дает синтез (хозяйство, социальную организацию, духовную жизнь) и представляет, таким образом, фактически правдоподобную и, как подтверждает практика, правильную картину общества, является пригодным выражением организованного коллективного опыта—на у к о й!

Результат же замечателен: маленькая марксистская книжка подвергается уничтожающему разному в академических кругах. А ее автора-творца бойкотируют, как шарлатана. Дух, вернее пустота де-Гроота, пока хозяин момента.

Всякий общественный порядок имеет такую науку, какую он заслуживает!

Мы хотим, чтобы нас правильно поняли! Наш протест вызывает не то, что де-Гроот дал описание религии Китая, но манера, как он дал это описание. В основе его нет ни цельной философской мысли, ни цельного социологического метода. Вспомогательные науки не были привлечены к органическому содействию. Нет, выбрав совершенно произвольный, исходный пункт, работая в одиночку, изолированно, пользуясь произвольно выбранной точкой зрения, он принял свою кропотливую, но мало плодотворную, работу.

¹ Академическое творчество, например, донныне не было еще в состоянии дать нам систематического изображения хозяйственной жизни Китая, которое хотя бы отчасти соответствовало по объему религиозной системе де-Гроота. Сборник Hellaüer'a—коллективная работа, составленная купцами, инженерами и банкирами (т. е. людьми практики)!

Такое происхождение и направление исследования, конечно, должно было найти себе достойное выражение. И они нашли такое выражение! Результатом оказалось путанное и путающее других, малоутешительное, случайное произведение.

С этим принципом изолированной и анархической исследовательской работы общественные науки будущего во всяком случае покончат. На основе коллективистического материального процесса производства вырастет коллективистический духовный процесс производства, в котором не будет места для изолированной частной науки, ставящей себе случайные цели и работающей случайными средствами.

Конечно, богатая культура не может и не должна предписывать вплоть до деталей метода и предмета исследования. Напротив, она предоставит и должна предоставить для метода и предмета необычайно-широкий простор (О чем мы дальше скажем подробнее!) Но внутри этого большого простора, утверждаем мы, возникнет органически-связанное здание общественных и естественных наук, которое одно сможет из колоссального взаимодействия всех ее частей вызвать к жизни наибольшее количество драгоценных плодов знания.

Мысль Каутского, что на централизованном материальном фундаменте будущего общества вырастет анархическая, т. е. органически неупорядоченная духовная надстройка¹, мы считаем возвратом к представлению буржуазной революции, грубым противоречием азбуке материалистического понимания истории.

Не научная анархия, но свободная, мощная и эластичная иерархия наук, упорядоченная в соответствии с общественными нуждами, приведенная в движение общественными проблемами, невольно вынужденная к непрерывному коллективистическому обмену средств в решении вопросов—такая иерархия наук, по нашему мнению, будет замечательным духовным увенчанием коллективистического общественного здания будущего!

е. Отдельные науки.

Систематический марксистский анализ всех общественных дисциплин современных университетов означал бы

¹ «Коммунизм в материальном производстве—анархизм в духовном!» Карл Каутский: «Социальная революция».

описание всех этих наук с точки зрения исторического материализма. Отдельный человек, понятно, не в состоянии выполнить такую сложную задачу. Она могла бы быть выполнена лишь коллективным трудом многих. Но в этой области собрано уже довольно много материала в научных органах рабочего движения. Мы вынуждены, поэтому, сейчас указать на этот материал и, быть может, выразить надежду, что наша книжка возбудит инициативу к такой коллективной работе со стороны квалифицированных марксистских ученых. Коротенький обзор некоторых важнейших дисциплин может, хотя бы мимоходом, указать существо вопроса, выяснить, как обстоит дело в отдельных науках и что должна противопоставить существующему положению марксистская критика и революционная практика.

а. Общая социология.

Если бы Людендорфу пришлось обследовать состояние современных университетов по части социологии, в чем ему, к сожалению (для его собственной партии), помешало бы отсутствие некоторых духовных качеств—итак, если Людендорф смог бы подняться до такого предприятия, он вынужден был бы резюмировать результаты своей инспекции красивым военным выражением: «промах».

И это действительно так! Отдельные экономисты и философы сумели, конечно, развить в качестве побочных продуктов их социальной деятельности некоторые ими самими обозначаемые, как социологические, идеи, но как самостоятельная наука, социология ни в императорской Германии, ни сейчас не могла конструироваться и влачит, самое жалкое существование. Мы хотим с формальной точки зрения установить четыре фазы внедрения исторически-необходимой мысли (Гегель сказал бы: «Разумной»).

I. Фаза замалчивания (не обращают никакого внимания на новую мысль).

II. Фаза высмеивания (ее не принимают в серьез).

III. Фаза открытой борьбы (к ней применяют насилие).

IV. Фаза капитуляции (заявляют: «Да это мы всегда говорили»).

В старой Германии, по отношению к социологии (главным образом марксистской, но по указанным выше основаниям и не-марксистской), применяли тактику замалчивания. Тактика высмеивания терпелась, но слишком большой

уступкой считалось принимать ее в серьез. Боннский приват-доцент Гамахер, который написал очень объемистое опровержение марксизма, совершил ужасное преступление: он слишком подробно опровергал Маркса! ¹

(Идея, для уничтожения которой нужно свыше 700 стр., обладает, очевидно, все же некоторым весом!). Гамахера стали рассматривать с этого момента, как паршивую овцу, и перед ним автоматически закрылась академическая карьера. Затем Зомбарт, который раньше был будто бы социал-демократом, который позже объявлял автора «Капитала» несмотря на много-много оговорок, замечательным мыслителем—хотя быть-может и не столь замечательным, как автор «Капитализма», оказался также *enfant terrible* и только его милитаристические эскизы о «купцах и героях» открыли ему доступ ко двору. Только Пауль Барт из Лейпцига встретил милостивое отношение в академическо-политической китайщине. В голове Пауля Барта марксизм выглядел также каррикатурно, безопасно и нелепо, как и в головах всех прочих официальных ученых. «Социология» Барта к тому же явилась доказательством, что и эта наука может быть так кастрирована, что не причинит никакого ущерба. Барт открыл социологии двери университета!

Его кафедра была тем орденом, который возложило на его геройскую грудь буржуазное общество за обезвреживание опасной науки, и не без основания, с точки зрения этого общества. Случай с Оппенгеймером совершенно аналогичен случаю с Зомбартом.

То обстоятельство, что Альфред Фиркандт (этот жалчайший из жалких) вплоть до революции застрял в своей приват-доцентуре, является показателем той слепой ярости, с которой королевская прусская академическая полиция очищала дорогу науки от всех заподозренных в социологическом уклоне.

На что способна была социология при добрых старых хаотических методах и что, напротив, она может дать при хотя бы элементарнейшей, лишь бы позитивистской обработке материала, это показывает сравнение между ака-

¹ „Философско-экономическая система марксизма“, Лейпциг 1909 г. Гамахер ожидает «реорганизации общества» от «евангельского принципа свободной индивидуальности» и «главным образом от возрождения систематической философии».

демическим «социологом» Георгом Зиммелем и его мюнхенским коллегой—Францом Мюллер-Лиером.

Зиммель написал сочинение приблизительно в два с половиной килограмма весом, чтобы доказать, что фельетон «Berliner Tageblatt» можно издать в виде связной книги. Читатель после переваривания Зиммелевской социологии оказывается в том благодушном настроении, какое появляется после чтения фельетона; голова его наполнена тысячью забавнейших акробатических выходов и, как естественный результат, совершенно произвольный и приятный—пренебрежением к самой сущности вопросов и к ответственному разрешению их по существу.

Социология Зиммеля в высшей степени ценное для современных отношений собственности произведение. Она уловляет не мало критически-мыслящих и подающих надежды людей, которые, чувствуя отвращение к официальному академическому «варварству», имеют склонность перехода в марксистский лагерь.

Зиммель—настоящий социалистический Пинкертон в цилиндре и фраке. Он—академическое дополнение к Моргану, Люшеру и Стиннесу ¹.

Мюллер-Лиер, напротив, жил в Мюнхене; он был позитивистом в области социологии и как позитивист—социалистом, поэтому его наука не признавалась за науку, но за интеллектуальную государственную измену.

«Семья» Мюллера-Лиера в довершение несчастья была отмечена социал-демократом Куновым, как лучшее произведение по этому вопросу. Как видим, достаточные основания, чтобы либо совершенно игнорировать в академических кругах несчастного автора, либо, поскольку это было невозможно, заклеить его, по крайней мере, как идеалистически настроенного «популяризатора» и тем сделать его безвредным: задача, которая выпала на долю Бартовской «социологии», в которой она и была быстро и основательно выполнена. Случай с Мюллером-Лиером для нас особенно поучителен. Он свидетельствует, что, как до конца продуманный капитализм ведет к социализму, так и до конца продуманный научный позитивизм приводит к марксизму.

Конечно, Мюллер-Лиер не является последовательным диалектиком (почему он и оказывается реформистом, а не

¹ Несмотря на это карьера Зиммеля оказалась также саботированной, как и Гамахеровская. Основания были в обоих случаях одинаковы.

революционным марксистом). Он, конечно, даже не марксист в смысле признания экономической системы Маркса: (О марксовой теории ценности мы не находили у него ни слова). Но его аналитический метод так пропитан духом исторического материализма—он к тому же определенно утверждает это в различных местах своей социологии—что он сумел дать набросок всеобщей истории человеческого развития, который в целом ни в каком отношении не превзойден до сих пор (несмотря на многие к тому же естественно-неизбежные упрощения!).

Осуждение в виде замалчивания, которое Мюллер-Лиер встретил в кругах общественных факультетов наших буржуазных университетов (об их отношении к Марксу и официальным марксистам уже не приходится говорить!), есть молчаливое самоосуждение буржуазной науки. Мы применим знаменитую мысль Маркса к этому частному случаю и скажем, резюмируя:

Отношения собственности не только не содействуют теперь повышению производительности творчества в области социологии, но скорей явно находятся ныне в острейшем противоречии с возможно мощным расцветом социологического творчества.

Здесь сталкиваются истинные интересы интеллектуальных работников самым непримиримым образом с существующими отношениями господства, собственности и права.

Вскрытие этого противоречия является задачей планомерной агитации в высших учебных заведениях.

Сознавшие свое действительное классовое положение ученые не могут сами по себе, конечно, провести эмансипацию, но они могут, как солдаты революции, рука об руку с борющимися массами организованного рабочего класса помочь разрушить ту политическую оболочку, в недрах которой давно уже подготовлена и выросла новая социальная оболочка, более благоприятная для духовного творчества.

β. Экономическая наука.

Если Марксово учение об обществе не признано и не распространено в буржуазных университетах и по понятным основаниям, то, естественно, мало чем отличается также их отношение к той основной специальной науке, которую Маркс назвал анатомией общества, а именно, к политической экономии.

Ни Марксова теория ценности, ни его учение о цене, ни его учение о накоплении капитала не поняты громадным большинством буржуазных экономистов; еще в меньшей мере, конечно, эти мысли сумели пробить себе дорогу и оказать влияние на дальнейшее направление исследования.

Наброшенная Марксом коммунистическая картина, в которой производство рассматривается с точки зрения производителей, а общество с точки зрения классовой борьбы, т. е. иными словами так, как это обнаруживает неприглядная действительность, конечно, резко расходится с теми социально-экономическими воззрениями, которые каждому «трудолюбивому» экономисту, следующему инстинкту самосохранения, представляются «правильными», «целесообразными», «проверенными».

Гармония интересов! Классовая борьба—ложный вымысел! Капитализм вечен! К тому же социализм давно уже существует! Фридрих-Вильгельм I был первым социал-демократом!

Таковы выявившиеся по принципу самосохранения и триумфирующие в борьбе за существование академические идеи—парадный результат буржуазной экономии.

Но марксистская литература дает нам такое множество примеров метода и образа мышления буржуазного homo sapiens academicus (так, например, русский ученый Железнов, дал очень хорошее марксистское изложение истории теории ценности. Роза Люксембург в своей работе «Социальная реформа или революция», своим анализом В. Зомбарта, дала прецедент для диалектического анализа буржуазной политической экономии вообще), что мы стали-бы повторяться, если бы в этом месте дали детальное изложение буржуазных экономических теорий. Здесь мы должны лишь обратить внимание на одно важное последствие, вытекающее из основной линии буржуазных экономистов: ученые, которые убеждены в вечности капитализма, не способны на основательные и подробные исследования, касающиеся технических проблем, основ социализированного хозяйства. Поэтому, несомненно, все важные детали будущей социализации должны будут быть найдены практиками-экономистами в непосредственном эмпирическом опыте. Но эти практики нуждаются в общей точке зрения, а массы, воля которых будет толкать к социализации, нуждаются в ясных и отчетливых основных представлениях.

Такая точка зрения и подобные основные представления не могут, конечно, быть заимствованы из буржуазной экономики (хотя в вопросах деталей статистики и проведенных форм государственного хозяйства можно многое перенять и многому научиться!). Их нахождение есть и остается исключительной задачей, идущей в ногу с революцией революционной интеллигенции.

γ. История.

Приблизительно так же, как с политической экономией, обстоит дело и с историей. Консервативный дух, который нашел свое выражение в экономической науке и очень часто находит совершенно сознательное отражение в исторических науках, является необходимой предпосылкой для того, чтобы быть допущенным к преподаванию в буржуазном университете; ныне в эпоху политического террора ученый может позволить себе отказ от этого консервативного духа лишь с опасностью для жизни. Анти-пролетарская по существу позиция (с которой очень хорошо мирится род сентиментальной снисходительности, знаменитая «любовь к мелкому люду») является той платформой, на которой обязательно стоит буржуазная история!..

Анти-пролетарская позиция означает сейчас полную оторванность от известных вопросов процесса производства! Это то же самое, что знать палубу парохода, но не иметь представления об его котлах и машинах.

Тот, кто знает двигатель и механизм социальной динамики лишь как пассажир первого класса, т. е. с точки зрения человека, не принимающего в нем активного участия, имеет лишь наивное и бесполезное представление о движущих силах и законах мировой истории.

Его мнение о сущности и основах исторического развития отличается поэтому от воззрений исторического материализма, которые вырабатываются путем наблюдения из самой гущи производственного процесса, подобно тому, как космические мифологии обитателей южных островов Тихого океана отличаются от небесных карт современной астрономии.

Если я, стоя на голове, буду собирать материал для картины мироздания, меня не должно поражать, что и мой мир окажется стоящим на голове, а факты действительности будут отражаться в нем противоречащими действительности на 180°.

Плохо понятый релятивизм мог бы, пожалуй, на это возразить, что подобно тому, как в протяженном мире, может быть принято бесконечное количество различных систем координат, буржуазно-идеологическая точка зрения мыслима в области истории рядом с пролетарско-марксистской. Почему материал не может быть обработан первым методом столь же основательно и плодотворно, как и вторым!

На это мы ответим:—конечно, в реальном протяженном мире могут быть построены совершенно различные системы координат. Но лишь ничтожная часть этого числа пригодна для определенной цели! (И очень часто для этой цели служит только единственная из всех воображаемых систем). Точно также вполне возможно рядом с тем представлением о мировой истории, которое дает исторический материализм, и то изображение исторического процесса, что мы находим у Геродота, Фомы Аквинского, Ранке, Трейчке, Конта или Лампрехта. Последние воззрения отличаются от марксизма не тем, что они обладают меньшей возможностью, но тем, что они неприменимы и неплодотворны, а это в чувственно-реальном мире решающий и существеннейший критерий. Они плохо объясняют возникающие проблемы, а потому не имеют никакой практической ценности или лишь очень ограниченную ценность¹.

Буржуазный политик, если он хороший политик,—практически невольно становится историческим материалистом. Буржуазия же как класс не может из указанных выше соображений признать свою теоретическую капитуляцию перед наукой своего классового врага. Отношения собственности принуждают ее безусловно придерживаться своей старомодной и недостаточной теоретической ориентации в вопросах истории. Ее наука, таким образом, сбивает с толку ее самое! Общественный порядок и историческая наука не соответствуют больше друг другу!

Одержимый подлинным фанатическим стремлением к науке, буржуазный историк должен в отчаянии либо сам

¹ Карл Маркс о Фейербахе (тезис II): «Вопрос о том, присуще ли человеческому мышлению действительное познание вещей—не теоретический, а практический вопрос. Практикой человек должен доказать истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Вопрос о действительности и недействительности мышления, изолированного от практики, имеет схоластический характер». К этому заявлению теория познания современного прагматизма ничего не могла бы добавить.

повеситься, либо своих товарищей по классу! Он должен примкнуть либо к Достоевскому, либо к Ленину. Решиться пойти вторым путём в начальной стадии переходного социального кризиса будут иметь мужество и энергию лишь люди с очень крепкими нервами.

Таким образом, исторический материализм объясняет действительность хорошо, т. е. так, что на его основе может иметь место целесообразная деятельность. Он ведет к правильной (т. е. содействующей жизни) постановке вопросов. Он позволяет свести исследовательскую работу историка к констатированию определенных типов развития (которые, конечно, не представляют абсолютно-однородного единства, но должны быть изучены в их конкретном своеобразии); тем самым он сводит изучение каждого исторического этапа к открытию типичных для него конфликтов. Эластичное—не слишком застывшее—изучение типов и ступеней развития и, тем самым, изучение типов исторических конфликтов—такова задача, к которой целиком сведена современная историческая наука. Разрешение этой задачи, как показывает практика, ученым немарксистам не под силу.

Но и марксистам, конечно, овладеть этой задачей полностью никоим образом до сих пор не удалось. В то время, как до-марксистская историческая наука, работавшая все же в очень благоприятных социальных условиях, однако, потерпела полный крах в этом деле, марксистским ученым, несмотря на отвратительнейшие социальные условия их работы, тем не менее удалось значительно перещеголять своих коллег, поставленных в гораздо лучшие условия.

Социальная революция необходимо должна привести как к всестороннему развитию материального производства, так и к фантастическому расцвету общественных и, в частности, исторических дисциплин и это как раз еще в переходную эпоху брожения!

д. Филология.

Кто из нашего резкого осуждения буржуазной экономики пожелает вывести то заключение, что буржуазная экономия ничего не дала, тот сделает ложный вывод. Кто, опираясь на нашу решительную критику официальной исторической науки, пожелает выплеснуть ребенка вместе с водой из ванны, тот не диалектик: он понимает наши методы лишь поверхностно, т. е. ложно.

Обе науки пробили огромные бреши в граните подлежащего познанию мира. Наша задача в том, чтобы доставленный ими очень ценный материал включить в гигантскую постройку будущей науки (Маркс, Меринг, Гильфердинг, Роза Люксембург, Ленин и Бухарин заимствовали большую часть заложенного ими фундамента из каменоломен буржуазной науки. В их руках этот материал превратился в крепость для освобождения от произвола собственников каменоломен).

Все нами сказанное применимо и даже еще в большей мере к третьей отрасли знания: филологии, науке о человеке, как говорящем животном.

Накопленные здесь груды массы познавательного материала будут тем порохом, которым революционная социология будущего откроет свой ураганный огонь. Революция не даст ничему погибнуть.

Именно потому, что мы придаем величайшее значение правильно поставленной филологии, мы должны с удвоенным интересом приступить к инвентарю ее современных сокровищ и сил.

Быть может и здесь, как в уже рассмотренных смежных областях, не все то золото, что блестит. Быть может, и эта нейтральная из нейтральных наук страдает от зачумленного дыхания капиталистического общества.

Поэтому мы спрашиваем без всякого злобного предубеждения, следуя только элементарнейшим требованиям марксистского недоверия: как обстоит дело ныне в эпоху высшей и поздней фазы капитализма с методами и творчеством академической филологии? Поставлена ли эта наука планомерно, позитивно, согласно тейлоровским принципам организации труда? Если да—хорошо. Если же нет, то почему? На наш двойной вопрос, мы получаем и двойной ответ: Во-первых, никакой филолог в мире естественно не признает, что филологическая отрасль знания в целом поставлена нецелесообразно, и не без основания! Никто сознательно не делает бессмыслицы. Даже каторжники Достоевского возмущались против рытья шахт, к которому их принуждали исключительно с целью занять их! Поэтому и утверждение филологов, что их работа целесообразна, вполне добросовестно. Тем не менее мы относимся к нему очень скептически. Объективно рассматриваемое оно ничего, решительно ничего не говорит. Тем многозначитель-

нее ответ на наш второй вопрос, поставлены ли филологические исследования позитивно, по-тейлоровски.

Буря негодования встречает нас за нашу обидную постановку вопроса. Ведь мы ученые! Не каменщики, не инженеры! Мудрые господа-критики должны предоставить самой филологии определять методы и темы своей деятельности.

Прекрасно, говорим мы, располагайте временем. Мы вас не стесняем. От естественных наук требуют многого. От вас не требуют ничего, ровно ничего.

Где же зарыта собака?

Этого долго не приходится искать. Припомним социальную функцию филологии, ее место в совокупном процессе духовного творчества, ее тайна перестает быть тайной.

Филология—способ, посредством которого мы можем проникнуть в уже законченные и пройденные культурные эпохи. Интенсивности и целесообразности исследовательских стремлений соответствуют интенсивность и целесообразность соответствующих филологических дисциплин¹.

Нетейлоризированная, нецелесообразная филология, поэтому признак того, что общество, как целое, т. е. ее господствующий класс, не очень расположено к интенсивной, творческой работе.

Господствующий класс стремится всеми средствами избежать развития неудобных социологических знаний—и тут мы наталкиваемся опять на ту же тенденцию. Он делает это несознательно или преднамеренно. По закону самосохранения постепенно, объективно и медленно получается тот результат, что идиллически, хаотично и не-позитивно поставленная филология оказывается в полной гармонии с существующими отношениями собственности.

Интерпретация важнейших культурных документов (хозяйства, классовой борьбы) носит очень наивный характер или, еще лучше, благодаря полезным извращениям, опирающимся на незнание проблем, становится безвредной. Кто хочет внести сюда какие-либо перемены, становится изменником по отношению к своему классу, филология же доверяется обществом лишь особо «надежным» рукам (а она ключ к социологии). Буржуазный филолог при этих

¹ Так, духовное изживание средневекового клерикализма и феодализма в первую голову произошло благодаря революционной филологии эпохи возрождения.

обстоятельствах превращается в совершенно замкнутый о себе мир, он—совершенно неподражаемый экземпляр! Он—сиамский близнец прусского лейтенанта и «духовный» отец Людендорфа и ф. Ягова.

Подобно тому противодействие определенным п р а в и л ь н ы м знаниям является одной из задач буржуазных гуманитарных наук, отсюда вытекает необходимое дополнение: выработка определено-ложных знаний (Предпосылкой, как всегда, является их полезность для отношений собственности!).

В этой достойной задаче очень большая доля выпала прежде всего гуманистической филологии. Ибо она ввела и удержала особый кастовый язык, настоящий социальный жаргон! Она изготовила для господствующего класса филологический мундир с эполетами, шнурами и кокардами (Как платье делает людей, так и способ выражения вербует сторонников класса!). Тем самым она вырыла между человеком и человеком, между высшими и низшими, настолько глубокую, широкую, непроходимую, социальную пропасть, что человеку, находящемуся внизу, страшно подступиться к какой-нибудь социальной идее. Не будь гуманистически-классового языка, буржуазия должна была бы его изобрести!

Юрист и вообще чиновник высшего разряда, вооруженный феноменальным невежеством столетия, все же читал (хотя и не понял) своего Гомера, Тацита, Платона, Виргилия и включил их в сокровищницу своего языка. Поэтому он иной, «образованнее» и формально выше своего подчиненного, который хотя по существу и выполняет всю материальную работу своего господина, но, не владея жаргоном господствующего класса, остается робким и послушным перед его блещущим иностранными словами превосходством. (Природа, как параллель гуманистическому классовому языку, знает громадные наросты на панцире жука-олени. Перепуганные соседи бегут без оглядки от страшного оружия бронированного животного. Но если какой-нибудь мужественный обитатель леса хоть раз осмелится противостоять всеобщему гипнозу и напасть на страшного жука, то окажется, что ужасное оружие вовсе не оружие, а всего лишь ловушка. Жуки-олени сами страдают от своего неудобного, пышного головного украшения и хоть немного вооруженный противник без большого труда побеждает их).

Отсюда вывод: анализ социального жаргона (наречия классового и группового) — одна из важнейших задач современной марксистской филологии.

Устранение этого жаргона возможно лишь с устранением производственных отношений, филологической надстройкой над которыми является буржуазно-классовый язык!

е. Этика.

Несмотря на огромное множество направлений, школ и систем, которые процветают или прозябают в буржуазной высшей школе, один специфический признак характерен для всех этих направлений, школ и систем: все страдают отсутствием систематического мышления по принципу классовых отношений и на основе твердых и объективных законов социального развития. Этот недостаток особенно сильно чувствуется в постановке вопросов и в результатах науки, которые трактуют об отношении человека к человеку, т. е. в науке о нравах и морали—в этике.

Разумная постановка вопросов этики должна была бы быть:

1. Как относится нормально каждый к своему товарищу по обществу? (Так как этот вопрос поставлен слишком обще, он должен быть расчленен по социальному признаку. Тогда он формулируется так: Как относятся друг к другу при совершенно определенных социально-экономических условиях сочлены одной группы, класса и т. п. и как они относятся к членам других классов, групп и т. п.?).

2. Каковы минимум и максимум, наихудшее и наилучшее отношение внутри группы и между группами?

3. Какие средства применяются группами и системами групп, чтобы избежать этических минимумов («Преступления») и содействовать этическим максимумам («Добродетелям»)? (Полупедагогический характер этого третьего вопроса несомненен).

Недостаточность этического ответа, который нам дают академические философские направления на эти три вопроса, очевидна. Так как коллективистическая постановка вопросов совершенно отсутствует, то нет также вопроса о том, как исторически обстоит дело с отношениями нравственности, или же он возникает лишь в мало-ценной

форме (смотри этику Вундта)—запутанный особым жаргоном и призрачными проблемками ¹.

Здесь дело обстоит точно так же, как с историей и с логикой. Только необычное, *maîmim*, театральные эффекты возбуждают внимание буржуазного мыслителя, в которого его социальная среда достаточно интенсивно вколачивает такой способ изучения общества с точки зрения героической.

Таким образом, его этика вместо того, чтобы быть коллективистическим отображением нравственной середины, превращается в науку о нравственных максимумах, в «науку о добродетели», и вместо того, чтобы дать социально-экономический анализ причин нравственного поведения субъекта, что совершенно неизбежно при коллективистической точке зрения, обращает этику в нормы, наставления и категорические громовые удары (пardon: императивы!), практическая ценность которых находится в обратном отношении к применяемому при этом напряжению легких.

Коллективистическая этика противопоставит нормальной нравственности среднего человека совершенно иное понимание, чем то, которое дает индивидуалистическая этика. При этом коллективистическая этика, конечно, не будет стараться дружескими или ворчливыми наставлениями устранить этические минимумы, которые могут быть окончательно и целиком уничтожены лишь с устранением их причин ².

Если марксистская этика ведет к коллективным, т. е. политическим действиям, то индивидуалистическая этика буржуазии целиком или главным образом исчерпывается попытками этического бунта.

Отсутствие материалистической социологии препятствует буржуазным философам, занимающимся этикой,

¹ Не случайно, что именно Вундт пришел, по крайней мере, к описанию этических фактов. Вундт пришел к этике через естествознание и практически остался настолько позитивистом, что он, по крайней мере, иногда проламывает твердую идилическую академию (См., например, его «искусство», где он по временам приближается к марксизму).

² Было бы, однако, неправильным пониманием марксизма, если бы рядом с общей политической борьбой за устранение таких причин сочли несущественным этическое воспитание отдельных борцов. Нет, нужно обращать большое внимание на развитие социальных качеств личности (солидарность, мужество, стойкость, сознательность) и по мере сил стремиться закалить их. Но, конечно, если известно воспитательное значение объективных влияний, подобным объективным педагогическим воздействиям—рядом с само собой понятными субъективными—будет отведено соответствующее место.

познать глубокие причины высокого или низкого нравственного уровня и приводит их к утопическим рецептам.

Отсутствие такой социологии еще в большей степени мешает им понять, что всякая мораль в обществе, расчлененном на классы, носит классовый характер. И, наконец, отсутствие марксовой социологии мешает им заметить связь и изменение нравственных идей, как следствие изменения в социально-экономической основе и практически и теоретически использовать эту мысль.

«Абсолютный нравственный закон» есть тот жалкий рекорд, которого академическая этика достигла при таких обстоятельствах. Но абсолютно-нравственный закон означает следующее: в то время, как этика будущего бесклассового общества вскрыет классовый характер всей современной морали, буржуазная этика, продукт выпуклейшего в мире классового общества, невозможно старается доказать вечный, бесклассовый характер морали. Никогда учение о нравственности не было лживей, «безнравственнее», чем это «нравственное» учение великих буржуазных моралистов! Их стремление придать классовому характеру буржуазного нравственного закона обще-значимую абсолютную ценность—наилучшее доказательство классовой ограниченности всех нравов и нравственных учений современного капиталистического мира ¹.

3. Наука о религии.

Мы сказали, что отдельные общественно-исторические дисциплины современного университета очень слабо связаны между собой. Однако слабость этой связи не повсюду одинакова. Она преимущественно определяется сте-

¹ Быть может, и даже, вероятно, буржуазный философ ответит, что он, нисколько не извращая, чувствует бесклассовую мораль, как «факт». Таким заявлением он переносит борьбу с этической почвы на логическую. Результат оказывается поразительным: наши аргументы его не убеждают. Его аргументы нас не убеждают. «Никто не может переубедить другого» (Обычная формула!). Но это означает: доказательство классовой раздвоенности в духовной жизни общества в самом ярком виде налицо! Существуют две логические классово-замкнутые системы, которые ничего общего друг с другом не имеют! Таким образом, самый этический философ должен это признать в силу собственной аргументации. Мы приходим к такому положению, что «оружие критики» становится недействительным, и оно должно быть заменено «критикой оружия», которая создаст новый общественный строй с однообразной логикой и этикой.

пенью отдаленности рассматриваемой дисциплины и ее предмета от основной дисциплины, науки о хозяйстве в широком смысле этого слова. Так, при описании движения населения, фактов политики и их развития (по истории государства и политических конституций) или при исследовании правовых проблем нельзя обойтись без «известной связи» с экономической основой и переворотами. Так в большинстве случаев, более или менее стыдливо, и поступают. Но совсем иначе обстоит дело, как только мы обращаемся к «духовным» этажам культуры, как только обращаем наше внимание на идеологию в узком смысле: религию, философию, искусство ¹.

Начнем с религии! Маркс поставил перед нами двойную задачу: во-первых, объяснить религиозные мифы из их социальной основы. Здесь перед нами три проблемы:

а) Коллективистическая: Почему масса, находясь в определенном социальном положении, восприимчива к определенной религии?

б) Индивидуалистическая: Каким образом возникает у религиозного гения его идея?

с) Объединяющая: Как происходит синтез между восприимчивостью и идеей? (при этом особенно ярко выступает второстепенная роль «великого» человека!).

Во-вторых, показать, как с изменением социальной основы, «базиса», медленнее или быстрее изменяется и приспосаблиется религиозное представление о мире.

Так как Марксова методология официальным представителям сравнительной истории религии неизвестна, а если известна, то не особенно хорошо, мы не можем ожидать, чтобы они оказались способными дать разрешение этих проблем, доступ к которому им совершенно закрыт недостатками метода. *La plus belle fille de France ne peut donner plus qu'elle n'a!* Однако и простое описание религиозных фактов, какое дает современная наука, для марксистской науки о религии вовсе не малоценный материал! Только подновесными, «правильными», «объективными» эти «факты», к сожалению, так же мало являются, как и все в этом

¹ Фридрих Энгельс так изображает это обстоятельство в своем «Людвиге Фейербахе»: «Высшие, т. е. более удаленные от материально-экономической основы идеологии принимают формы философии и религии. В них связь представления с их материальными условиями становится сложной, более затемняется промежуточными звеньями. Но она существует».

злом, диалектически-относительном мире! Факты познания постоянно создаются познающим! За научно-религиозными фактами скрываются люди, а в данном случае представители буржуазии. Они вычитали и сопоставили то, что им позволило вычитать и сопоставить их идеологически-героическое представление об обществе.

Известные факты, которые марксисту сделали бы религию понятной, «разумной» в Гегелевском смысле слова, ими вовсе не были открыты, ибо они никогда и не подозревали, что их следует искать!

Таким образом, здесь, как и повсюду, речь идет не только о том, чтобы поставить уже добытые общественно-исторические «факты» в связь с материальным базисом! Нет, сами факты должны быть снизу доверху пересмотрены сызнова в своем значении, выборе и группировке! Марксизм не формальный метод комбинаций, но такой метод, благодаря которому путем новой постановки вопросов общественные науки преобразуются до основания в самом своем содержании.

На практике марксизм так всегда именно понимался и применялся.

Об этом ясно свидетельствуют произведения Кунова, Каутского, а в последнее время Эйльдермана по истории религии. К сожалению, из двух требований Маркса, которые учитель, однако, никогда отчетливо не формулировал, как двойное требование¹, до сих пор преимущественно следовали первому. Об этом приходится пожалеть: как раз исполнение второго требования сделало бы возможным полный расцвет исторического материализма. Лишь таким образом могло бы быть диалектически и без остатков поглощено застывшее, абсолютное представление о мире официальных мифологических религий и тем совершенно обезврежено для масс.

η. Ф и л о с о ф и я.

Философия капиталистического естествознания—Мах и позитивизм. Философия капиталистического обществознания—Кант и критицизм.

Маркс так выражается о методе науки о религии: «Технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, тем самым возникновение его общественных отношений и духовных представлений. Даже история религии, которая

В противоречии этих двух философий отражается, как в зеркале, тот факт, что буржуазное общество достигает максимальных пределов своего материального производства ценой минимального духовного творчества. К чорту философию! Спасайте прибыли!

Мы знаем, как и почему современный позитивизм и эмпириокритицизм диалектически произошли от Канта. Мы повторяем, что представляем себе дальнейшее развитие философии только диалектически из позитивизма и через него. Буржуа в своей относительной изолированности видит только почти исключительно себя: проблему отдельной личности. Единственный и его собственность, природа и личность—таковы темы его философии. Э т и к а и н а т у р - ф и л о с о ф и я — этика, как учение о поведении Единственного, натур-философия часто под флагом «метафизики»—таковы тайна и граница в постановке вопросов, за пределы которых капиталистическая официальная философия не может и не хочет выйти.

Для нас вне вопроса то положение, что в философии будущего общества философия культуры займет центральное место, что эта философия культуры сольется с общей социологией¹, а эта общая социология не может быть ничем иным, как систематически развитым учением Маркса и Энгельса.

Победа пролетарской революции стало быть будет означать также победу Марксовой философии. Эта философия, диалектический материализм, будет духовным увенчанием мира, от которого потоки познания оплодотворяюще потекут по всем направлениям земли.

Что-же касается п с и х о л о г и и, то она, как отрасль знания, также мало имеет общего с философией, как универсальной дисциплиной, как и астрономия или история религии. Поэтому переходящая к эмпиризму буржуазная наука оторвала эту специальную область от материнской науки и отвела ей место в естествознании.

отвлекается от этой материальной основы,—не критична. На деле гораздо легче путем анализа вскрыть земное ядро религиозного тумана, чем, наоборот, из повседневных, действительных жизненных отношений вывести их небесное отражение. Однако, этот последний метод-единственно материалистический, а потому и научный» (Капитал, т. I).

¹ Энгельс, как и позитивизм, отвергает «философию, как таковую». Для общего мировоззрения мы не нуждаемся «ни в какой философии, а только в позитивных знаниях о мире» (Анти-Дюринг).

Но чисто естественно-научное рассмотрение человеческого сознания означает исключение всякой социологической постановки вопроса. Исследование исчерпывается параллельным сопоставлением психических и физических процессов и анализом изолированного личного сознания. Результат, полученный на таком скверном базисе естественно должен хромать, практика, опирающаяся на эти результаты, должна быть недостаточной. Даже кажущиеся плодотворными методы психо-анализа застревают на формулировании симптомов, так как они не ставят вопросов с точки зрения общества (исключая, быть может, Адлера).

Последних причин проблем пола и дефективности они, как психологи-индивидуалисты, не могут открыть. Таким образом им безусловно не дано полностью устранить эти симптомы.

Мы заключим наши замечания о философии и ее проблемах кратким обзором о состоянии логики в современных буржуазных университетах. Поскольку позитивизм — т. е. крупная буржуазия, не завоевал себе место, Аристотель все еще царит на академической сцене. Аристотель же принадлежит к тем идеологам, которые делают познание, «как таковое», предметом своего рассмотрения.

Такие идеологи неспособны на исследование по вертикали общественной структуры. Они распространяются поэтому горизонтально, в ширину. Они возвещают, как результат своего размышления, что все акты мышления сводятся к явлениям классификации и различения. Действительно, это общий закон, он годится и для собаки, которая узнает своего господина и для кошки, которая избегает горячей похлебки. К сожалению, психологическими трюизмами, — а к этому сводятся аристотелевские схемы, если их оголить до конца, можно очень мало сделать для анализа конкретно - исторических проблем и для создания плодотворной нормативной логики.

Статическое рассмотрение должно поэтому уступить место динамическому: Аристотель — Ваингеру и оба — Марксу.

Применение марксизма к логике ставит на место застывшей героической Аристотелевской перспективы диалектический и коллективистический принцип мышления. Исходным пунктом является уже не формально совершенный процесс мышления, в котором центр тяжести Аристотелев-

ской логики, а скорее нормальное и многостороннее мышление масс, устанавливаемое сначала чисто эмпирически и описательно. Из констатируемых таким образом нормальных мыслительных актов также эмпирически и описательно вытекает максимальный мыслительный акт (наиболее плодотворный и целесообразный), и тем создается нормативная логика, которая, вырастая из действительности, может служить ей.

Такова первая стадия.

Затем культурно-вертикальный способ рассмотрения марксизма обнаруживает в коллективном масштабе то, что индивидуалист Ваингер доказывал для отдельной личности, а именно: мыслительные процессы должны быть поняты не сами из себя, а из волевых проявлений мыслящего или мыслящих. Там, где существует классовый интерес, существует и классовая логика. Известные скачки и разрывы непрерывности великих групповых идеологий (религиозная идеология прошлого, социальные идеологии современности) поэтому об'яснимы не логически, а лишь социологически.

Так лишь марксистская логика дает мыслителю возможность глубоко проникнуть в законы и границы конкретного мышления. Более рациональное проведение всей просветительной работы должно быть чрезвычайно ценным практическим последствием.

9. Эстетика ¹.

История—наука о великих политических деятелях.

Этика—наука о великих добродетелях.

История религии — наука о великих основателях религии.

Логика—наука о великих героях духа.

Таково буржуазное представление о мире, которое превращается в картину, изготовленную специалистом-маньяком для ограниченного круга средних маньяков! Кормчий, никогда не покидающий своего места на залитом солнцем командном мостике, видит во всем мире только кормчих. Тонкий слой господствующих, которые удерживают в своих руках кормило материального и духовного творчества, прокирует по правилам аристотелевских аналогий собственный индивидуализм, собственную (кажущую-

¹ Мы относим к эстетике также историю литературы.

юся) свободу во все части социального процесса и видит в нем только деятельность сильных мира сего, которые стоят на командном мостике, правят.

Для него нет проблемы в том, что лишь готовность кочеваров, машинистов и матросов работать позволяет кормчему выполнять его функцию—управление. Об этом он не думает. Определенные устойчивые условия (неравномерное распределение средств производства) доставляли ему постоянно нужный для работы персонал. Ему представляется совершенно естественным, что масса мирится с руководством бездельников и с своей лишенной смысла работой. Лишь тогда, когда массы, в силу изменившихся условий, придут к иным заключениям, он понемногу поймет, что он нисколько не является свободным самодержцем-сверхчеловеком, что его собственное положение—лишь выражение положения масс!

Но такой взгляд выражает уже начало конца. Буржуа приходит к нему лишь тогда, когда его прежнее господствующее положение стоит под вопросом.

Нормальным выражением неограниченного классового господства является героическая идеология. Более коллективистический образ мышления выступает закономерно лишь как продукт разразившихся общественных кризисов, которые вызывают усиление восприимчивости ¹.

Находя в буржуазной эстетике тот же принцип, а именно: «Эстетика—наука о великих художниках», мы тотчас же узнаем в этом новом выражении нашего доброго старого знакомого индивидуалиста из смежных областей знания. Снова на первом плане «великий человек». Бесчисленные монографии вскрывают каждую душевную извилину его частной жизни, заботливо снабжают нас всеми сплетнями прошлых тысячелетий и при случае кое-что бормочут относительно «эпохи» (ведь и позади своеобразия гения скрывается его эпоха!), на долю которой выпало счастье видеть героя духа за «его творческой работой».

Если в последнее время некоторые левые буржуазные направления пытаются стать на более коллективистическую точку зрения, например, все чаще говорят об истории

¹ Отсюда столь поражающая буржуазных немецких ученых французская коллективистическая социология. Франция с 1789 до 1871 проделала целый ряд революций.

искусства без имен великих людей, мы удовлетворенно регистрируем эти новые эстетические явления, как идеологическое выражение бесчисленного множества новых фактов в жизни общества, переживающего огромный кризис перехода к социализму.

Марксистским, однако, это новое направление (Воррингер, Вельфлин, Бюргер) отнюдь не может считаться. Подобно тому, как часть интеллигенции перестает доверять старым буржуазно-индивидуалистическим силам, не осмеливаясь, однако, довериться новой коллективистической пролетарской мощи, точно так же обстоит дело и на этом поприще, с вышеуказанными полуколлективистами. Старый метод они признали отжившим и бросили его. Нового метода они, однако, не нашли.

Так и в эстетике вырастает та же пропасть между буржуазным и пролетарским обществом, что и во всех прочих общественных науках.

Буржуа спрашивает: Что создается художником?

Марксист спрашивает: Почему творчество художника носит определенный характер? почему один общественный порядок (и в нем с момента возникновения классового общества прежде всего определенная социальная группа) восприимчив преимущественно к определенному направлению в искусстве? И наконец: кто, в последнем счете творит: художник или среда?

Буржуа застревает целиком на своем прославленном описании «фактов» (Психологический анализ личности художника—единственная попытка описания причин, до которой он способен возвыситься).

Ученый марксист получает, таким образом, в наследство от гбнущей буржуазной культуры огромный фактический материал. Но тот, кто видел, насколько сомнительны, так называемые, «факты», тот вместе с нами придет к заключению, что и здесь (как и в исторической науке или истории религии), марксистская эстетика должна будет не просто скомбинировать старые факты с социально-экономическим фундаментом, но вынуждена будет изыскать новые факты на основе коллективистического метода ¹.

¹ См. в качестве первых попыток: З. Фукс «Иллюстрированная история нравов от Средневековья до нашего времени». Три тома. И. В. Гаузенштейн: «Обнаженное тело в искусстве всех времен и народов». Гаузенштейн эстетически образованнее, но Фукс социологически последовательнее.

3. Борьба революционной интеллигенции против буржуазной академии.

а. При диктатуре буржуазии.

α. *Intra muros*¹.

На каждом этапе развития нашего изложения мы имели возможность противопоставить изображенному нами состоянию буржуазной науки отклоняющуюся от нее и выше стоящую точку зрения марксистско-пролетарской идеи. Если мы тем не менее сызнова возвращаемся к вопросу борьбы с буржуазной академией (поскольку она буржуазна), то не для того, чтобы говорить опять об этой борьбе со стороны ее содержания. Мы прежде всего хотим в этом отделе попытаться описать, в каких практических формах эта борьба (содержание которой было уже указано) может и должна протекать.

При этом, естественно, следует резко разграничить две фазы. С одной стороны, эпоху диктатуры буржуазии, что имеет место во всех важнейших странах мира, исключая советскую Россию. С другой, если мы бросим взгляд на вероятное будущее — эпоху диктатуры пролетариата, к которой нужно подойти, конечно, с совершенно других научно-технических точек зрения, чем к эпохе диктатуры буржуазии.

Прежде всего несколько слов о положении современного буржуазного общества. Мы должны различать в нем духовные противоречия внутри университетов от тех, что имеют место во вне их.

Внутри самих университетов опять-таки не безразлично, является ли критически-мыслящий марксист студентом или же преподавателем и исследователем.

Во многих отраслях естествознания по существу «нечего делать». Где эти науки развиваются путем свободного исследования, ни студенческая критика, ни революционная воля доцента не могут привести к каким-либо переворотам в ходе исследовательской работы.

Однако — можно возразить — ведь и свободнейшие исследования вовсе не вполне свободны! Направление и метод даже в экспериментах, дальше всего отстоящих от практи-

¹ Внутри стен.

ческой цели, в чем-нибудь да связаны с духом времени прокладывают ему новые пути, натываются на его границы. Колумб, как отважный путешественник, не имел, например, никаких предписаний, никаких твердых представлений относительно деталей своих поисков. Основная линия его авантюристского путешествия была, однако, всецело продуктом эпохи, а общая его цель вообще носила чрезвычайно конкретный характер.

Таким образом, революционному студенчеству или исследователю почти не приходится вмешиваться в деятельность общих и подсобных естественно-научных исследований академии. А там, где можно было бы что-либо сделать в научных и заводских лабораториях прикладного естествознания, там закон прибыли, по большей части, целиком намечает путь творческой работы.

Если, например, капиталист-пивовар требует анализ дрожжей, то и самый революционный химик не может заняться синтетическим изготовлением белка. Если производство шикарных автомобилей выгоднее, то и наиболее коммунистически-настроенный инженер не может работать над усовершенствованием кресел для больных. Значит, как в исследовательской лаборатории, так и в техническом бюро ныне невозможна никакая революционная работа. Здесь приходится исключительно ограничиться тем, чтобы попытаться обходным путем—через политику сломить закон прибыли. Только так можно прийти к преобразованию естественных наук и раньше всего в их прикладной форме.

Несколько благоприятнее положение работника общественных факультетов; если ему, несмотря на свой марксизм, удалось стать доцентом, он может, при умелом использовании своей свободы преподавания, вступить на новый путь в исследовательской работе и в преподавании. Но что вообще свобода преподавания в Германии соответствует всем прочим гарантированным конституцией «свободам» нашего славного буржуазного государства, это отчетливо показали инциденты с Ферстером, Николаи и Эйнштейном!

Весьма поучительно в этом отношении также то понимание академической свободы, которое мы находим у современного венгерского правительства. Berliner Tageblatt сообщает в номере от 27 апреля 22 года следующее:

«На днях венгерский министр народного просвещения и исповеданий Васс, католический священник, утвердил решение философского факультета и совета университета отнять кафедру у математика Бэкэ, философа Александра и психолога Гееза Ревеш. Профессор Эммануил Бэкэ — автор очень известного в кругах специалистов учебника анализа. Его рефераты являются украшением опубликованных Феликсом Клейном работ конгресса по реформе математического преподавания. Профессору Бернарду Александру принадлежит в духовной культуре последних трех десятилетий особая роль: он первый подготовил суровую венгерскую почву для философской культуры. Он переводчик Кантовской «Критики чистого разума» и творец венгерского философского языка. Он же положил начало экспериментальной психологии в Венгрии. Вышедшая у Барта в Лейпциге его теория звуковых ощущений идет значительно дальше взглядов Карла Штумпфа, и эксперименту, вероятно, в ней придется играть большую роль, чем в других областях.

Эти три ученых, Бэкэ, Александр и Ревеш, считали необходимой реформу научного преподавания в Будапештском университете и присоединились при республике к резолюции своего факультета, которая ставила эту реформу своей целью. Таково их главное преступление в глазах профессорского персонала и университетской администрации, которая вообще заявляет, что удовлетворена состоянием и деятельностью Будапештской Alma Mater. Каждый из трех гонимых с кафедры профессоров имеет за собой еще специальное преступление: математик Бэкэ на одном заседании, посвященном разъяснению избирательного закона республики, изложил сущность пропорционального избирательного права мелом на черной доске. Такой поступок не может быть рекомендацией в глазах правительства, которое, вместо того, чтобы дать пропорциональное представительство, предпочло установленным им избирательным законом вообще устранить избирателя. Александр в газете «Пестер-Ллойд», критиком которой он был в фельетонной форме, высмеял нелепость венгерских титулов. Экспериментатор же Ревеш всего только хотел расширить свой институт.

Там, где студенты-революционеры сталкиваются с учителем-марксистом, само собой вытекает необходимость посещений его лекций, семинариев. Частные кружки под руководством таких доцентов рядом с общими и офи-

циальными университетскими занятиями позволяют их дополнение и углубление.

Там, где нет такого испытанного товарища-доцента, там студентам-марксистам приходится самим образовывать устойчивые кружки с твердым планом занятий. В рефератах и дискуссиях они вырабатывают у себя ту уверенность в применении марксистского метода; при помощи которого они и могут чего-либо достичь в академии.

Если они такого рода уверенность приобрели, тогда они становятся во всех семинариях и кружках опасными революционными ячейками, которые при умелом влиянии на постановку тем и направление работы кружков оказывают большое воздействие и способны завоевать не одного адепта марксизма среди студенчества.

β. Extra muros¹.

С расколом пролетариата на реформистское и революционное крыло, между которыми вклинивается «центр», как промежуточная партия, и марксистская интеллигенция раскололась на три различных лагеря. Организационное объединение этих трех лагерей подобное тому, к какому стремятся и политические партии, путем единого пролетарского фронта, было бы весьма желательно и на поприще общей марксистской работы. Здесь, с одной стороны, такой единый фронт труднее устроить, и в то же время, с другой стороны, легче, чем в области чистой политики. Организовать его труднее, потому что свойственный интеллигентам индивидуализм и их профессиональная привычка резко формулировать существующее расхождение не может создать удачной основы для такого единства.

С другой же стороны, легче организовать такое единство потому, что ученые, как и работники физического труда, связаны друг с другом общностью работы, и в ней противостоят враждебно-настроенному, буржуазно-мыслящему большинству.

При перевесе второй тенденции (именно так обстоит теперь дело) вполне возможно картельное объединение в виде единого марксистского фронта. И в марте 1922 года на самом деле, путем созыва в Лейпциге студенческого конгресса социалистов и коммунистов, создано было

¹ Вне стен.

такое об'единение, вылившееся даже в определенную организационную форму представителей различных лагерей марксизма (от Кунова до Ленина).

Мы не будем говорить сейчас о том, насколько такое об'единение имеет шансы на прочность. (Когда партии сталкиваются друг с другом в борьбе, как в 1919 году, конечно, принадлежащая к этим партиям интеллигенция лишь с трудом может сохранить общую организацию. Но мы все-же утверждаем, что положение 1919 г. в Германии не скоро повторится).

Не пускаясь, однако, в пророчество, мы скажем, как мы представляем себе совместную работу в ныне существующем во всяком случае об'единении.

Во-первых, — образование рабочих фракций в местном и государственном масштабе для выявления особой позиции, которую каждая из этих фракций, коммунистическая, независимая и социалистов большинства занимает по отношению к другим фракциям.

Во-вторых, — организация междуфракционных рабочих коллективов в местном масштабе в целях дискуссии основных марксистских идей и их применения к различным областям естествознания и общественных наук.

В-третьих — устройство междуфракционных конференций в государственном масштабе, на которых принципиальные проблемы и их практическое применение обсуждаются наиболее плодотворным образом, путем докладов, содокладов, дискуссий и групповой работы.

Не приходится опасаться замазывания существующих расхождений при такой совместной работе. Марксисты, которые заслуживают этого названия, друг друга не переубедят ни разговорами, ни руганью. Их дискуссия даст им возможность прийти к пониманию взаимных противоречий, разрешения этих противоречий они ждут не от диалектики аргументов, но от диалектики хода вещей. Помимо этих, спокойно устанавливаемых противоречий, существует, однако, неизмеримое количество общей работы (применение исторического материализма к отдельным дисциплинам), так что длительность конференций покажется всем их участникам довольно незначительной по сравнению с множеством проблем ¹.

¹ Тот, кто полагает, что работники-интеллигенты, социалисты и коммунисты сталкиваются при таких условиях между собой, плохо понимает

От такого рода планомерной, публичной дискуссии, в которой, как и во всем объединении, будут естественно принимать участие и не одни лишь академики, в юридическом смысле слова, мы ждем при хорошей передаче в прессе в виде автоматического результата еще более интенсивного распространения марксистских воззрений также и в пролетарских кругах. Дискуссия обладает свойством разделять проблему, расчленять ее и тем придавать ей жизненность; кроме того, ей присущи очень важные преимущества с педагогической точки зрения. Мы считаем вполне мыслимым, что те же научные конференции марксистской интеллигенции, если только они сколько-нибудь планомерно будут устраиваться, создадут атмосферу деловитости и серьезной работы, которая в конце-концов будет заметна и непролетарской части общества.

Существует целый ряд «радикальных» изданий и газет, которые быстро позаботятся о том, чтобы содействовать распространению наших идей и за пределы читателей рабочей прессы. Тем самым, с одной стороны, повысится престиж всего рабочего движения, с другой стороны, притягательная сила марксистских идей. А такое влияние наших идей должно быть нам в высшей степени желательно.

Ленин заявил на третьем Московском Всемирном Конгрессе Интернационала, что для успеха революции нужно завербовать под знамена революции не только большинство промышленных рабочих, но и большинство угнетенных народностей. К этому большинству в широком смысле принадлежит также техническая и академическая интеллигенция. Привести ее субъективную позицию, ее идеологию в гармонию с переживаемым ею объективно — также и в духовной области — кризисом, такова важнейшая задача революционной интеллигенции, такова наилучшая критика с ее стороны, как органа пролетарской революции — науки буржуазного общества!

б. При диктатуре пролетариата.

а. «Социализация» академии.

В переходную эпоху к бесклассовому обществу, которую Маркс именует эпохой диктатуры пролетариата, революционеры-ученые выходят из рамок своей специаль-

проблему. Профессиональные конгрессы умственных работников столь же необходимая вещь, как и проф'езды работников физического труда.

ной семинарской работы или чистой критики. Ибо они видят перед собой колоссальную задачу—преобразование науки в духе пролетариата в интересах одновременно проводимой в широком масштабе социализации хозяйства.

Мы знаем очень хорошо: политическая революция совершается катастрофически быстро, напротив, экономический и культурный перевороты, которые следуют за политической революцией, развиваются эволюционным образом на новой основе! Первая—вопрос часов, второе—задача поколений.

«Социализация» духовного творчества не представляла бы трудностей, если бы большинство работников умственного труда находилось бы—искренне!—на стороне победоносной революции. Мы, правда, допускаем очень быстрый прогресс в этом направлении (а такой прогресс совершается с поразительной быстротой при достаточной интенсивности протекающего кризиса), но, однако, было бы уже большим успехом, чем мы вправе ожидать, если бы можно было добиться хотя бы такого большинства, которое позволило бы преобразовать академическую жизнь путем организации надлежаще подобранного совета доцентов.

Раз необходимо использовать внешнюю помощь государственной власти для этой цели, атмосфера естественно насыщается духом противоречия и саботажа. Подобно тому, как материальное производство, при своем преобразовании, временно испытывает понижение производительности труда, точно также и производительность умственного труда в первое время рабочей диктатуры, возможно, не сумеет обойтись без депрессии.

Такое состояние, вероятно, скорее всего можно изжить в сфере естественно-научных и технических дисциплин. Ибо те стимулы, которые социализация хозяйства как раз на техническом поприще дает занятой в этих отраслях интеллигенции, окажутся настолько интенсивными, заработок специалистов к тому же настолько удовлетворительным, что в непродолжительном времени сначала представители прикладного естествознания, а затем и теоретического естествознания из скрытых саботажников революции превратятся в открытых друзей нового порядка. (Как раз так дело происходило и в Венгрии и в России).

Но, увы, безмятежные радости жизни не суждены ни одному смертному. В академии существует не одно естествознание. Рядом с ним имеются и общественные науки.

Они представляют собой настоящее осиное гнездо! Сталкиваясь с неприятностями приходится в повседневной жизни, тем более в начале революции. Конечно, достойны сожаления все те, на долю которых выпадает обязанность быть живодером всех городских кляч! Но живодер — как раз символ переходной эпохи. Поэтому волей-неволей придется решиться прикрыть руки перчатками и мужественно запустить их в осиное гнездо академии. Первая жертва намечена. Теологический факультет — это патентованное учреждение альтруистов, которое кормится ныне, как паразит, подачками своих злейших врагов, это организованная насмешка над Христом и христианством взлетит на воздух, как это ему давно полагается. И на юридическом факультете не придется быть особенно сентиментальным. Возможно (смотри законодательство Русской Революции), что на деле большое количество старых законов в измененном виде окажется пригодным и для нового времени. Но для такой переработки понадобятся новые работники, ибо классовая ограниченность современных юристов-студентов, доцентов и судебных работников, совершенно неописуема. Куттнер говорит, например, о нынешнем поколении юристов совершенно правильно, что оно в противоположность теперешним германским судьям принадлежит к тем национальным кругам, «которые крайнюю правую рассматривают лишь как гнилую партию компромисса». Здесь диктатуре придется острым ножом вырезать язву вместе с гноем и корнем.

Что касается установления права, то практика быстро покажет, могут ли профаны выполнять роль «юристов» или же можно будет не совсем рвать со старым принципом специализации. Мы, лично, считаем последнее вероятным — это отвечает закону растущего разделения труда и вытекает из нашего признания необходимости технических специалистов — но все же мы думаем, что число таких судей-специалистов значительно сократится по сравнению с числом привлеченных к делу заседателей.

Это новое судебное сословие, когда оно сложится, будет, конечно, значительно отличаться по характеру подготовки от своих буржуазных предшественников. Его знакомство с жизнью будет более основательным, его социологическое воспитание более глубоким, чем об этом способна мечтать школьная мудрость современного среднего доцента.

Подобно тому, как врач теперь должен получить, основательную подготовку по общему естествознанию, так и специалисту - юристу понадобится впоследствии предварительное или параллельное социологическое образование, которое одно позволит судье или представителю власти быть тем, чем он должен быть: научно-образованным знатоком социальной жизни, ее кризисов, конфликтов и всех основных законов ее движения.

Труднее, чем с богословием или юриспруденцией, обстоит дело с философским факультетом. Само собой понятно, и об этом говорилось много и часто, что подход к нему, как и к изучению естествознания, должен быть планомерно изменен посредством подготовительных учебных заведений для более зрелых пролетариев, посредством действительно осуществленной единой трудовой школы для молодой пролетарской интеллигенции, что доставит высшей школе большой контингент слушателей.

Далеко не так понятно другое: что произойдет с буржуазными учеными философских факультетов? Выражаясь конкретно, что мы будем делать с Бартом и его единомышленниками?

Мы должны тут остерегаться слишком поспешного ответа! Иначе мы можем превратиться целиком из правильно-мыслящих диалектиков в фантазирующих утопистов. И это едва ли кому-нибудь пойдет на пользу.

Проблемы социализации, как хозяйственные, так и научно-технические — вопрос силы!

Устойчивая диктатура, конечно, в состоянии мощно действовать. Она показатель того, что кризис вполне нагрозел, что фундамент достаточно подготовлен.

Такая устойчивость диктатуры очевидно с самого начала изрядно придушит силу сопротивления ученых общественников. Известное количество совершенно непримиримых господ придется, во всяком случае, устранить, как и сейчас перевели на пенсии отдельных, слишком антиреспубликански-настроенных, губернаторов и бургомистров.

Факт отставки немногих (или многих) академиков, вероятно, будет шокировать в начале лиц, плохо осведомленных в истории. Социолог-диалектик будет рассматривать такое явление без особого огорчения. Оно обнаруживает для него лишь проявление общего закона переходной эпохи. Возникающий капитализм тоже обречен на бездействие тысячи старых профессий и выбросил на

улицу сотни тысяч рабочих рук; не будучи в состоянии проглотить их в развивающейся новой промышленности! (Массовые преследования английских крестьян, которых не сумела использовать доведшая их до сумы шерстяная промышленность городов—печальная иллюстрация этому ¹).

Реакционеров-академиков постигнет таким образом, когда они останутся без занятия, лишь обычная историческая участь. Их незаслуженным счастьем будет лишь то, что их не заставят прибегнуть к помощи защищаемого ими капиталистического общества (последнее приготовило для экспроприированных им лишь кнут и виселицу. Грядущее коллективистическое общество, напротив, в состоянии безработицы не видит никакой вины, за которую следовало бы ругать или драть шкуру. Если только данное лицо не является хроническим, тупым саботажником нового режима, оно может быть уверено, что общество предоставит ему разумные занятия где-нибудь в процессе производства в меру его способностей и доброй воли).

Более податливую часть доцентов можно предоставить спокойно участи медленного умирания в быстро пустеющих аудиториях—соответственно их силам и их поведению. Ибо против них мы располагаем очень хорошим положительным средством,—учреждением новых общих социалистических кафедр и новых, работающих методами социологии, специальных кафедр, к которым легко будет привлечь в порядке учебного плана преимущественное внимание студенческой массы. Если же, наконец, эти представители старой школы злоупотребят своим положением для контр-революционной пропаганды в какой-либо форме, то как и по отношению к прессе противников это вопрос силы, в какой мере она без вреда может быть допущена. С одной стороны, мы будем, конечно, остерегаться создавать излишних мучеников.

С другой стороны, существует граница, изменяющаяся в разное время в зависимости от политического барометра, за пределами которой мы не потерпим открытых действий противной стороны.

Если эта граница будет перейдена, мы волей-неволей возьмемся за средства насилия, безразлично, будет ли вредитель именоваться Шефером, Нернстом или Роте.

¹ Карл Маркс Капитал, том I: «Кровавое законодательство «против экспроприированных с конца XV столетия».

При неустойчивой диктатуре (ранние попытки рабочего класса осуществить свои экономические и культурные цели) самый гениальный план социализации не может, конечно, устранить неизбежной борьбы и неудачи. Кто в воду попал, тот промокнет! Неустойчивое состояние без промахов не бывает! Напротив, в худшие времена переходной эпохи всякое действие «ошибочно», т. е. вызывает настолько сильное противодействие, что сводится к нулю. Та или другая личность может, конечно, избежать необходимости действовать в таком положении, т. е. делать ошибки. Класс же в целом не может уклониться от этого! Ошибки, которые бывают в таком положении, нисколько не доказывают неспособности тех, кто действует. Они скорее—показатель того, что время, в которое приходится действовать, есть время мертвого равновесия, из которого маятник развития раньше или позже, так или иначе выведет действующих лиц.

Нам остается только кратко обосновать, почему мы будущее университетов представляем себе, как учреждений, организованных на основе марксизма по типу коллективистического крупного предприятия. Одна лишь механическая идея отражения (как и во всей действительной общественной жизни) здесь недостаточна. Маркс первый восстал бы против такого упрощения своей теории.

Мы считаем марксизм социологией будущего, потому что совокупность процесса производства, как бы она ни суживалась в представлении каждого члена общества, благодаря прежнему воспитанию и жизненной участи, допускает лишь марксистскую интерпретацию жизни. Эта марксистская интерпретация, построенная и измененная соответственно изменившемуся социальному положению, одна делает возможным исчерпывающее, целесообразное и полное объяснение, как частных, так и общих социальных проблем. (Само собой понятно, что стоящие в эпоху диктатуры у власти, которые по самому своему производственному опыту являются марксистами, и сейчас сделают марксизм основным экономическим учением. Степень распространения этой теории, объявленной основной, есть, понятно, как и многое другое, вопрос соотношения сил. Слишком рано взятые штурмом бастионы в каждой борьбе должны быть очищены!).

Новая академия будет не только марксистской, она будет также построена по принципу коллекти-

вистического крупного производства! Новый порядок собственности и экспроприация экспроприаторов расчищают ему дорогу. В самом деле, если теперь для охраны существующих отношений собственности духовное творчество должно стоять как можно ниже и соответственно этому (по принципу наибольшей затраты сил!) оставаться в форме карликового производства, то с устранением нынешнего порядка собственности сразу будут уничтожены все предубеждения против модернизации и «тейлоризации» общественных наук. Общественное хозяйство, достигшее сознания своего значения, теперь имеет большой, даже величайший интерес в том, чтобы осознать законы, регулирующие его, и свою собственную сущность.

Так совершенно произвольно, на смену старой, отрицательной, вырабатывается новая, положительная иерархия научных ценностей, Прежние, перенасыщенные области знания—«классическая» филология, римское право и так далее не сохраняются дольше в старом объеме; недостаточно обслуживавшиеся до сих пор отрасли знания — систематическая социология, учение о хозяйстве (включая экономическую географию и учение о производстве), теория народонаселения, этнология, сравнительная история религии и нравов, изучение Китая и т. д. будут преобразованы путем учреждения новых кафедр, соответственно значению этих областей знания.

Непроизвольно, рука об руку с этой реорганизацией, падает и прежняя обособленность различных общественных дисциплин. Так как теперь общество способно воспринять все новые истины, более того, оно испытывает настоящую жажду новых знаний, то и ученый все больше будет заинтересован максимальной производительностью своего творчества. Но эта максимальная производительность не может быть осуществлена в карликовых оазисах старой академии. История Европы, например, должна работать рука об руку с восточно-азиатской, обе области должны быть связаны с хозяйственной историей, этнологией и общей социологией, так как только таким образом могут быть плодотворно поставлены вопросы, может быть поставлен обмен мнениями, можно подвергнуть взаимной проверке текущие результаты и правильно подготовить общие конечные выводы.

Крупное производство в духовном творчестве становится, таким образом, организационной основой для изме-

нившейся идеологии, которая должна органически и необходимо вырасти из изменившихся производственных отношений.

Коллективистический человек будущего, достигший в области хозяйства максимума материального удовлетворения, применяя минимум физического труда, благодаря крупному производству в области идей, будет также удовлетворять свой духовный голод теми духовными ценностями, которые будут производиться и обрабатываться коллективистическими учеными будущего (по принципу наименьшей затраты сил) в крупном научном производстве!

β. О духовном хозяйстве про запас.

По поводу наших идей «социализации» нам неоднократно заявляли, что мы варвары, так как разрешаем проблему переходной эпохи в духовной области шаблонными и недостаточными выводами, действуя на подобие слона в посудной лавке и разрушая всю буржуазную культуру безо всякой щепетильности.

Кто до сих пор внимательно следил за ходом нашего изложения, тот, надеемся, не может быть сторонником подобной варварской теории. Лишь те, кто сознательно заинтересован в том, чтобы придать такой новый смысл нашему определению сущности науки, как средства ориентировки для практических целей, усмотрит желанный повод с новой энергией трубить в старый рог. Говорят, что сторонник подобного взгляда на науку при социализации (послушайте только!) академии будет действовать, словно Атилл, против исследователей и их научной работы. Все, что непосредственно не служит нуждам общества, будет уничтожено этим новым нашествием гуннов.

Красный Атилл и его товарищи — страшная якобы угроза самому цвету нашей духовной жизни, т.-е. так называемому свободному исследованию, имеющему в себе, в самой науке, самоцель!

Наше отношение к свободному исследованию принимается за критерий нашей позиции в вопросах духовной культуры вообще. Отрицание свободного исследования в том виде, как оно автоматически вытекает из нашего основного принципа экономии, якобы выдает коллективистической культуре свидетельство о бедности, более того, выносит ей смертный приговор.

Недурная полемика! Сильная полемика! Остроумная полемика! Жаль только, что это не основательная полемика, а лишь полемическое фразерство, не заслуживающее серьезного отношения. Вся шумиха покоится на двойном недоразумении: во-первых, на непонимании нашего принципа экономии, а затем на непонимании смысла и целей нашей собственной экономической практики. Начнем с выяснения первого недоразумения. Авенариус в своем произведении «Философия, как мышление о мире по принципу наименьшей затраты сил» на стр. 3 заявляет:

... «при благоприятных условиях наш разум предпочитает мгновенной небольшой трате сил, с которой связан небольшой, т.-е. недлительный результат, длительное напряжение, которое сулит большие, т. е. более длительные результаты».

Авенариус, значит, недвусмысленно заявляет:

«Величайшая бережливость при некоторых обстоятельствах является величайшей расточительностью».

К этой точке зрения целиком примыкает, само собой разумеется, коллективистическое общество будущего, применяющее крупное производство во всех отраслях своей деятельности.

В материальном отношении оно не живет изо дня в день, но оно накапливает. Точно также в духовном отношении оно не прозябает на голодном пайке. Оно и здесь предпочитает «мгновенной и небольшой трате сил, с которой связан небольшой, т. е. недлительный результат, длительное напряжение, которое сулит большие, т.-е. более длительные результаты».

Это длительное напряжение, которое общество применит для достижения будущих больших, или более длительных результатов, выражается в материальном запасе, предоставляемом им для того, чтобы создать своим ученым возможность свободной творческой деятельности. Что же касается самих основ свободного исследования, то большинство работает ведь, главным образом, под влиянием той идеологии, которую оно само заимствовало из круга мыслей исследователя.

Для отдельного исследователя, которому общество предоставило «свободу», его наука необходимо превращается в самоцель. Он говорит о «науке для науки» и расхвали-

вает свободное творчество, как «высший», «истинный» и «человеческий» смысл науки вообще, не подозревая, что такое состояние максимальной личной независимости отвечает великолепным образом древнейшему, животному, индивидуальному инстинкту.

Конечно, ни у одного человека не следует отнимать идеологию, вытекающую из его положения, если она усиливает в нем чувство жизни, повышает его производительность и тем, в конце-концов, служит на пользу общества. Но ни один человек, конечно, не станет от нас серьезно требовать, чтобы мы в серьез принимали воззрения лягушки, сидящей в колоде, в качестве пригодной для нас перспективы неба, и на ней строили свою астрономическую теорию и практику; этого не может потребовать даже сама лягушка.

Но вопрос вовсе не тот, как у лягушки возникает ее представление о небе или, выражаясь без метафор, как в головах наших современных ученых возникает их идеал свободного исследования. Не трудно понять, каким образом у лягушки создается ее представление о небе и почему исследователю «свободное» творчество представляется «истинной» наукой.

Вопрос прежде всего в том, как случилось, что общество создало свободного исследователя, что оно его терпит, более того, даже покровительствует ему? Ведь общество вовсе не «идеалист», подобно исследователю! Оно хочет жить! Оно эгоистично! Академическая поговорка «наука для науки», поэтому, так же мало может быть обязательной для общества, как и знаменитая лягушечья перспектива «искусство для искусства».

По принципу самосохранения в результате бесчисленных социальных экспериментов пришли к заключению, что для общества выгоднее, что оно больше будет преуспевать и будет лучше вооружено, если заставит свою интеллигенцию работать не только для нужд сегодняшнего дня или часа, но и мыслить и производить «для вечности», т.-е. про запас.

Духовное творчество про запас—единственное об'яснение для своеобразного явления свободного творчества!

Быть может покажется непонятным и даст повод к новому мифотворчеству, если мы скажем, что общество созна-

тельно в своих интересах создало доктора Фауста, этого фанатика чистого знания.

Во всяком случае, одно мы можем безусловно утверждать: существование Фауста было и остается возможным лишь потому, что оно вполне совместимо, очевидно, с процветанием общества!

Сотни безрассудных авантюристов должны бесполезно скитаться по океану для того, чтобы сто первому удалось величайшее открытие, которое открывает путь тысячам судов и позволяет их использовать. Так и свободный исследователь должен сотню дней работать бесполезно—и это вовсе бесполезно—для того, чтобы на сто первый день могло быть найдено новое соединение, новая машина, новая теория хозяйства или новое литературное направление, и тем самым сложится мысль, социальная ценность которой во много раз превышает ценность сотни «бесполезно» затраченных дней.

Величайшая экономия есть величайшая расточительность!

Величайшая расточительность становится в то же время величайшей экономией!

Поэтому и только поэтому коллективистическое общество будущего будет сторонником свободного исследования. Только поэтому таковым было индивидуалистическое общество современности!

Тем самым разрешается и одно из поразительнейших противоречий буржуазного общества; именно то, что консервативно и националистически настроенные исследователи приходят к выводам, публикуют их и страстно защищают, хотя они объективно ведут к гибели им субъективно желательной политики. Фридрих Ратцель доставил Опенгеймеру материал для его полумарксистского и резко враждебного национализму «Государства». Эрнст Геккель ценнее для социалистического просвещения, чем целый армейский корпус.

Доводы Рихарда Семонса в пользу наследственной передачи приобретенных свойств вообще мало совместимы с капиталистическими отношениями собственности. А Конради в своем историческом очерке о Китае прекрасно работал на руку историческому материализму.

Капитализм сам создает своих могильщиков! Вынужденный для полного удовлетворения своих научных потребностей сказать исследователю «будь свободен!»

он должен примириться с тем, что некоторые принимают эти слова в серьез (слишком в серьез) и что уже в самом буржуазном обществе вырабатываются такие знания, распространение которых—острый нож, приставленный к ненасытной глотке работодателя.

Будущее общество предоставит своим исследователям «свободу»—мы знаем, что эта свобода связана определенными законами,—в меру своего материального благосостояния, которое оно может применить для такого духовного накопления.

Кто хочет свободного исследования, тот должен хотеть социальной революции. И кто хочет необузданную, неограниченную свободу исследования, тот должен приложить все усилия к тому, чтобы победоносная революция сумела, как можно скорее, безгранично развить свое материальное производство.

Так борьба за освобождение материи превращается в борьбу за освобождение духа! Таковы хитрость и скрытый смысл коммунистической идеи.

II. Популяризация.

В различных главах нашего первого отдела мы старались представить в общих чертах многообразную участь духовного творчества (исследования) в современном классовом обществе и в коллективистическом обществе будущего.

Но умственная работа не исчерпывается несколько одним исследованием. Поскольку сырой материал переходит к другим исследовательским инстанциям, он нуждается в посредничестве академии. Поскольку же он должен быть разменен на мелкую монету повседневности, чтобы стать доступным для удовлетворения духовных потребностей середняка неспециалиста, постольку руда, добытая в копиях исследования, нуждается в весьма основательной и систематической переработке. Эта переработка—задача и цель второй области духовной деятельности: популяризатора и популяризации.

«Общий» взгляд на характер и сущность такого популяризатора и его деятельности имеет такую же ценность, как и общие взгляды о нравственности, браке и т. п., то есть, никакой! Только, стоящее на точке зрения классовой дифференциации: исследование ведет к действиям,

полезным для нашего класса. Мы поэтому рассмотрим последовательно отношение буржуазного общества и пролетариата к популяризации и к ее задачам.

1. Популяризатор и буржуазное общество.

Припомним то положение, что позиция буржуазии в разных областях духовного творчества различна.

Она нуждается: в точном естествознании,—безусловно. В биологии—с некоторыми оговорками.

В социологии—в ее современной, хотя бы позитивистской форме,—нисколько, в устарелой же форме (даже в этой форме эта наука кажется ей подозрительной)—в самом необходимом жизненном минимуме.

То же отношение, которое буржуазия проявляет к самому исследованию, она, естественно, проявляет (в еще более резкой форме) к популяризации материала, добытого исследованием.

а. Точные естественные науки.

Капитализм нуждается в машинах. Машины нуждаются в людях. Последним же для обслуживания машин необходимо понимание их сущности и действия. Уэлльсовский негр, который в динамо-машине видел стального бога, во славу которого надлежало щвырнуть между спицами огромного махового колеса сначала мастера, а потом самого себя, не был пригодным работником для цели капиталистической прибыли. Его примитивная религия, быть может, понравилась бы предпринимателю—даже христианину-англичанину; но его техническое невежество было помехой для производства.

Если бы энергичный негр сам не устранился бы из производства, управление вынуждено было бы его удалить из предприятия. А это означает: технические познания рабочего полезны для отношений собственности. И популяризатор, который в «обще-понятной форме» сообщает рабочему элементы точного естествознания, очень уважаемое лицо в буржуазном обществе. Если бы его не было, капитализм изобрел бы его. Он принадлежит к тем условиям производства, без которого не может существовать ни одно современное предприятие, без которого не может выколачиваться прибавочная ценность из угнетенных масс.

Кто просмотрит современную общественную библиотеку («народную библиотеку»), заведывание которой находится в буржуазных руках, тот увидит, что эта потребность капитализма в широком техническом обучении масс (прежде всего техническом) отражается самым явственным образом в массе естественно-научных технических книг. Произведения Пфаундлера, Гретца, Фарадея, Лассар-Кона, Мошковского, Фюрста и других естественников-популяризаторов образуют численно самую значительную часть буржуазной литературы для народного просвещения. Там есть все: от систематического учебника в популярном изложении до отдельных этюдов!

Прибыль дает знак своей всемогущей рукой, и машина духовной фабрикации работает беспрестанно, пока не будет удовлетворен последний платежеспособный спрос. А этот спрос весьма и весьма теперь значителен!

«Необразованный», т.-е. жертва буржуазной народной школы (для будущей эксплуатации) жадно устремляется к предлагаемой ему пище. Ведь предприниматель устанавливает положение и заработную плату своего рабочего скота в прямой зависимости от степени его технических знаний.

Но и «образованный», т.-е. студент «высших» школ (для будущих эксплуататоров), охотно стремится для пополнения своих многочисленных пробелов знания к популярному изложению математических и естественно-научных вопросов. А почему бы и нет? Образованный буржуа очень хорошо знает, что обыкновенный смертный не в состоянии одинаково хорошо овладеть всеми отраслями знания. В чем-нибудь и самый образованный человек—является полуобразованным!—В чем-нибудь каждый должен удовлетворяться общими отрывочными понятиями!

Целью духовного развития является не универсальный специалист! Уже теперь не существует таких всеобъемлющих специалистов—Вундт является страшным предостережением, а в будущем, при еще большей дифференциации исследовательской работы, такие специалисты будут такой же редкостью, как и телята о двух головах или крылатые люди.

«Знать то, что знаешь, и знать, чего ты не знаешь—в этом суть знания!» Так говорил Конфуций, великий мыслитель эпохи феодализма.

«Знай, что ты ничего не знаешь», таков лозунг Сократа, отца дуалистической философии, капитализирующегося Запада.

Образованным является не тот, кто предпочитает общую и недостаточную специализацию, но скорее тот, кто приобрел критический взгляд на характер и границы своего знания, которое хотя отчасти опирается на «популярную» литературу!

Это—поучительный урок! Запомним это! Быть может, совершенно неожиданно нам удастся где-нибудь угрожающе пред'явить его.

в. Биология.

Пока мы оставались в области точного естествознания, быть любознательным представляло почти удовольствие. Интересующийся наукой профан мог выбирать и использовать для удовлетворения своего умственного аппетита тысячи вспомогательных средств.

Рост кошачьего хвоста, протекающий в первые недели с огромной быстротой, вскоре замедляется и в конце-концов совершенно прекращается. Точно также, как только мы обращаемся к популярной биологии, мы наталкиваемся на то, что кошачий хвост этот отказывается объективно развиваться! Что-то попало в машину. И мы смутно чувствуем, что не все обстоит благополучно.

Правда, и в этой области знания появляются еще хорошие иллюстрированные книги и другие популярные издания. Ландсбергер, Крепелин и Маршал следуют биологическому поветрию. Шмейль выбрасывает на рынок множество учебников и руководств, которые с радостной деловитостью вводятся в школах буржуазного общества.

И все же! Мы не особенно очарованы этой «популяризацией». Напротив, нас бросает в жар и холод, когда мы внимательно всматриваемся в эти подарки. С официальной, популярной биологией буржуазии происходит следующая замечательная заминка. Ведь уже биологическое исследование почти не содержит мыслей о социальной жизни многих животных; оно лишь с величайшим сопротивлением восприняло идею естественного развития у животных и растений (эти два обстоятельства довольно просто объяснить социологически из буржуазного индивидуализма и стремления к увековечению существующего буржуазного общества). А официальные популяризаторы, г.г. Шмейль и

компания, по этим двум вопросам большие паписты, чем сам папа, академичнее, чем сама академия. То, что Брему (который, благодарение богу, в силу своей высокой цены доступен лишь господствующему классу!) казалось еще очевидным, т.-е. факт общности животных, то у Шмейля и его коллег засушено в форме ничего не говорящих примечаний. Животные Шмейля обладают большим количеством костей, кровью, мясом, обладают некоторыми жизненными привычками, которые, как-то неясно, связаны с их географической средой. Социальные же признаки Шмейль находит у своих животных лишь случайно, не придавая им к тому же сколько-нибудь существенного значения. Поэтому зоология по Шмейлю, несмотря на всякие «дополнения», сводится только к разрезам тканей и анатомической структуре. Поэтому о систематическом применении той мысли, что изменение естественных условий влечет за собой изменение способов добывания пищи и тем самым приводит к развитию естественной и социальной организации, эти произведения популяризаторов-биологов, озабоченных охранением устоев государства, говорят еще меньше, чем академические исследования.

Мир состоит из всяких ползающих и летающих тварей, которые часто появляются из каких-то странных зародышей и, бог знает, почему в капризном непостоянстве переходят с одной ступени на другую, подобно даме, меняющей моду. Правда, это называют развитием, но по существу все сводится, самое большее, к случаю и, конечно, не имеет серьезного значения!

Так приблизительно выглядит, упрощая положение в виде грубого наброска, «популярная» биология, дозволенная к преподаванию в школах буржуазного общества (в интересах самосохранения). Такое изложение (искажение) результатов исследовательской работы, очевидно, удивительно гармонирует с отношениями собственности.

Но свободное исследование—весьма беспокойный малый. Проклятые позитивисты не успокаиваются, и лица, кажущиеся подозрительными, раньше примыкавшие даже к социал-демократии, наводят тучи на ясный горизонт официального биологического идиотизма, до сих пор не омрачавшийся никаким разумным сомнением. Некий господин Геккель вносил беспорядок (до недавнего времени) в Иене, а другой господин—Вильгельм Бельше—еще ныне беспокоит из Берлина сон и духовную жизнь «образованных»

немецких, капиталистических акул и их охранителей, интеллектуальных Пинкертонов.

Геккель и Бельше — тоже популяризаторы! И, к несчастью, это приходится признать—пожалуй даже более «точные», чем их коллеги Крепелин, Шмейль и т. п.

Но они высказывают то, о чем не следует говорить. Они выносят в широкие массы результаты духовного творчества—проблему механизма развития—«относительно которой наука еще не пришла к окончательному решению», а в массах эти вопросы могут, конечно, вызвать лишь смуту.

Маркс в своей переписки с Энгельсом назвал дарвиновскую идею—хоть и по-английски грубой, но правильной «естественно-исторической основой» своей теории. Геккель и Бельше, быть может, тоже отличаются немецкой грубостью—они, во всяком случае, менее «грубы», чем многие, «надежные» популярные затемнители!—Но и они, как и их знаменитый предшественник, являются в вопросах биологии динамитом для разрушения старой идеологии, которая была и поныне остается духовным бастионом капиталистических отношений собственности.

Буржуазия, как и всякая эксплуататорская группа, весьма чувствительная к тому, что хорошо или плохо для ее классовых интересов, замечает (и лучше, чем многие правые марксисты!), что в последнем счете скрывается за этим. Буржуазная пресса первая начинает отражать ее погромное настроение. Вскоре подается сигнал к массовому социальному наступлению. Наконец, приводится в действие вся официальная кухня и вскоре подымается масса ядовитой клеветы, опорочиванья, насмешек против лояльных и столь «нейтральных» исследователей, испуганно прислушивающихся к этому шуму.

Эти проблемы «совершенно непригодны» для популяризации—так кричит критика—(Однако технические проблемы для этого пригодны!). Эти вопросы вообще «еще недостаточно выяснены» исследованием! (Они окончательно и не будут выяснены до падения буржуазии!). К тому же «популярные работы Геккеля, Бельше и т. п. так грубо извращены, что лучше ничего не распространять, чем такие плоские произведения». (В физико-химических проблемах дело обстояло иначе. Никакой внезапно настроившийся критически сторонник интеллектуальной чести не станет, например, издеваться над популярным наброском

Эйнштейнской теории, несмотря на упрощенный характер такой популяризации. К тому же уже Конфуций и Сократ, при всеобщем одобрении своего класса, убедительно отвергли глупое требование общей специализации).

Таким образом, от всего воя против «отравляющей» народ деятельности Геккелей, Бельше и их товарищей, остается лишь—если пренебречь собственными теориями и деятельностью этих академических сирен! — пожелания лучше ничего не опубликовать, чем эти произведения, стоящих на высоте науки, популяризаторов! ¹. Это положение, которое понятно в условиях господствующих классов, с точки зрения интересов пролетарской революции, конечно, не может встретить поддержки.

Нет! Раз буржуазия начинает презрительно относиться к популяризатору, мы имеем все основания быть на-стороже. И вместо того, чтобы в «нейтральной» сфере биологии поддерживать отрицательное отношение к Бельше, мы, несмотря на их частные ошибки, должны всеми средствами поддержать, в их борьбе против всего официального буржуазного мира, искренних радикальных буржуазных мыслителей, в тех вопросах, которые оказывают существенную поддержку росту самосознания масс на естественно-научном базисе!

с. Социология.

Еще в большей степени все это относится к проблемам социологии. Если, как мы показали, социалистическое исследование в современной академии вообще беспочвенно, то, естественно, с популяризацией результатов этой несуществующей исследовательской работы дело обстоит еще плачевнее. Превращение мировой истории в скандальную хронику или в альбом сенсационных и исторических анекдотов, каковые суррогаты истории охотно преподносят народу, ничего общего не имеет с наукой в нашем смысле слова. Эти духовные продукты ни что иное, как специально-фабрикуемые средства затемнения, которые выделяются из пор господствующего класса и вколачиваются им в голову низших слоев народа в качестве социологи-

¹ Мы определенно заявляем, чтобы отклонить ненужные заявления, что Геккели, Бельше не только популяризаторы, но и исследователи. Здесь, как и часто, скрещиваются две особые интеллектуальные функции.

ческой манной небесной: хорошая свинья, как известно, все съест!

Но желудок класса становится деликатнее, возвышается над своим первоначальным некритическим состоянием, как только класс сам начинает выходить из своего первоначального жалкого положения в производстве. Если пролетариат некогда мирился с тем, что его истинных друзей, распространителей, служащих его классовым интересам популярных произведений, изображали и подавляли, как ненужных и плоских смутьянов, то с ростом социальной независимости рабочего класса все независимей делается его суждение о ценности или малоценности научных популяризаций. Как и во всех других вопросах общественной жизни, пролетариат в конце-концов приходит к выводу, что его мерило ценностей прямо противоположно мерилу господствующего класса.

2. Популяризатор и пролетариат.

В то время, как буржуазия видит в социологических и даже в радикальных биологических популяризаторах лишь зловредных людей, пролетариат, напротив, должен считать их ценными интеллектуальными товарищами и союзниками в борьбе. Пролетариат поэтому не должен допустить, чтобы те люди, которые переводят ему результаты исследования с совершенно неизбежного языка специалистов на простой язык повседневности, рассматривались их собственными коллегами-марксистами, как духовные работники второго разряда, что очень часто, к сожалению, происходит на практике в явном или скрытом виде.

Существует два основания к тому, что и с нашей стороны с недоверием относятся к популярным произведениям Борхардта, Бухарина и т. п. Во-первых, та стихийно воспринимаемая оценка, с которой буржуазная школа относится к марксисту-мыслителю, если он не в корне и во всех отношениях потрясает старый мир. Во-вторых, присущая нашему собственному исследованию переоценка отдельных деталей, недостатком которых пользуются, чтобы целиком дискредитировать популярное произведение. Подобно тому, как первые попытки захвата власти пролетариатом, по словам Маркса и Розы Люксембург, должны были быть недостаточными и половинчатыми, но вместе с тем их незрелость—исторически необходимая переходная ступень в

позднейшей зрелости, точно также и в популярной, марксистской литературе множество недостаточных и половинчатых произведений необходимые предтечи, подготавливающие путь к позднешему, сравнительно законченному творчеству.

Пусть, однако, правильно поймут нашу мысль. Мы отнюдь не требуем, чтобы марксист-исследователь рассматривал произведение, обладающее недостатками, как безупречное, или чтобы он перестал уделять популярным произведениям место, соответствующее их качеству. Такое отношение скорей повредило бы движению, чем послужило бы ему на пользу. Но одного мы можем требовать, несомненно, — чтобы помимо выяснения отдельных недостатков — сравним, например, критику Куновым Гортеровского определения понятия «производительных сил» — следовательно, несмотря на такую частичную критику не забывали того, что тот же Кунов, например, в своей уничтожающей критике Гортера совершенно забывает, а именно, что такие популяризации в целом означают все же «шаг вперед»! Здесь играет роль, мы сказали-бы, цеховой мотив: смешение правил, относящихся к исследованию и условиям его опубликования, с правилами, применимыми для популярных произведений.

Само исследование не может и не должно быть популярным! Если же оно случайно и бывает таковым, то потому, что исследователь является в то же время популяризатором, и мы должны быть благодарны судьбе за двойной дар. Но нормальным случаем он едва ли является.

Нормально как раз противоположное, и это имеет свое достаточное, глубокое основание. Точка зрения исследования совсем не то же, что точка зрения популяризации! Проблемы, которые могут быть весьма существенны в специальной исследовательской монографии, часто для общего развития мысли, т. е. для ее популяризации имеют второстепенное значение.

Популяризатор должен в систематической форме, в учебнике, или в ряде отдельных выпусков или в особом этюде преподнести не получившим специального образования массам сырой материал исследования так, чтобы в общем и целом дать им правильную, хотя, конечно,

не детальную во всех отношениях картину вопросов рассматриваемой отрасли знания.

Обсуждение всех специальных проблем вообще не входит в задачу популяризатора! Пренебрежение или слишком упрощенная трактовка некоторых специальных проблем, в чем, например, упрекают Юлиана Борхардта, лишь в том случае может считаться существенным недостатком данного автора, если произведение в целом ничего не дает читателю, а, напротив, благодаря плохой постановке основных вопросов, прямо мешает его дальнейшему развитию. В каждом отдельном случае критика должна это доказать.

Популяризатор таким образом имеет задачу, вообще отличную от задачи исследователя, которая, однако, в своем роде необычайно важна для общества. Он, следовательно, в общем занимает такое же важное место, как его коллега в стадии первичного производства. Более того, он может, если на лицо имеются большие массы еще мало доступных результатов исследования, значительно преувозйти полезность специально-исследовательской работы.

Это действительно признавали уже издавна писатели революционного рабочего движения, и марксистская литература обладает большим количеством образцовых популярных работ в различных областях.

Но как много ни сделано, еще больше предстоит сделать в этом отношении. Спросим себя, существуют ли хорошие систематические изложения марксистской науки об обществе и хозяйстве; мы вынуждены будем сознаться, что в этом отношении многое почти все еще остается сделать.

Ленин говорил в своем заключительном слове на 11-ом съезде Р. К. П.:

«Еще недавно писал я, что было бы лучше, чтобы наши писатели меньше посвящали внимания газетам, политической шумихе, но зато писали хорошие учебники... Таким способом была бы разрешена совершенно правильно намеченная тов. Троцким задача величайшей важности, воспитание молодого поколения, для которого нет учебников. На чем обучается это поколение общественной науке? На старом буржуазном балласте. Позор, когда подумаешь, что у нас есть сотня писателей марксистов, способных написать учебники по всем вопросам общественнознания,

но которые этого не делают, потому что заняты другим, стремятся к другому».

Этот упрек тов. Ленина, обращенный к революционной интеллигенции после захвата власти, мы не можем механически перенести на состояние других стран, где еще идет борьба за власть. Западно-европейские марксисты, к сожалению, действительно должны работать в газетах и участвовать в политической шумихе и не могут поэтому быть сотнями привлечены к популяризаторской работе. Все же, однако, можно было бы сделать больше, чем сделано! Мы ни в коем случае не можем позволить отвлекать себя целиком от важной задачи популяризации ни повседневной борьбой, ни прелестью исследования! Учебник тоже ведь творчество! Переоценка исследователя должна быть дополнена справедливой оценкой популяризатора! Эта переоценка исследователя—типичный признак институтов «образованной» буржуазии, которая сама может пользоваться плодами исследования, но ни в коем случае не желает, чтобы низшие классы слишком много знали из монополизированных ею тайн науки.

Только уничтожение классовых противоречий и социальной монополии на образование сможет осуществить полное устранение противоречий между исследователем и популяризатором.

Лишь в коллективистическом обществе будущего, на ряду с великими исследователями, будут признаны и великие популяризаторы, как весьма и весьма полезные друзья человечества, и им будет отведено соответствующее место.

III. Преподавание.

1. Сущность и значение редакционной деятельности.

Как между исследованием и популяризацией, так, очевидно, и между популяризацией и преподаванием есть ряд промежуточных звеньев. Быть-может, следовало бы сказать, что гениальный учитель должен быть в то же время и популяризатором. Но, вообще говоря, преподавание, как способ личной передачи знаний исследователем, собирающим материал и производящим опыты, и преимущественно литературная деятельность популяризатора так ясно отличаются, что мы не встретим серьезных затруднений, в том, чтобы отделить эту третью интеллектуальную функцию от первых двух.

Лишь один вид популяризации следовало бы в виду ее особого характера сблизить с преподаванием—газетную работу, деятельность редактора, пишущего в повседневной прессе.

Задача популяризатора, заключающаяся в том, чтобы просто изложить сложные проблемы, в редакционной работе связана еще с сильным, длительным воздействием на волю читателя, так что мы можем назвать редактора весьма важным, быть может даже важнейшим (в виду широкого распространения прессы) социально-педагогическим фактором современности.

Поэтому выбор редактора революционной рабочей газеты должен быть предметом особой заботы. Лишь лучшие силы будут пригодны для такого поста!

Но самоподготовка интеллектуальных сил для этих редакционных задач не может носить достаточно серьезного характера. Молодой ученый, как раз потому, что он пропитан атмосферой и внушениями буржуазной высшей школы, должен очень долго бороться с проклятой буржуазной переоценкой исследователя и проклятой (тоже буржуазной) недооценкой популяризатора. Лишь впоследствии, обстрелянный в ураганном огне повседневной пролетарской борьбы, он приходит к выводу, что хороший редактор для пролетарского движения то же самое, что хороший исследователь для буржуазии, т. е. сильнейшее духовное оружие в борьбе за самосохранение и за уничтожение существующих отношений эксплуатации и зависимости.

2. Преподавание в буржуазном обществе.

Мы переходим теперь к преподаванию в собственном смысле этого слова! Преподавание есть передача простых или сложных опытов при помощи определенных вспомогательных средств и методов, которые сами планомерно разрабатываются по мере упорядочения передачи опыта.

а. Высшая школа.

Университет с педагогической точки зрения есть место, где происходит передача сырого, непопуляризованного познавательного материала старым академиче-

ским поколением подрастающему новому. Двойственной структуре буржуазной науки об обществе и природе соответствует и двойственный характер дальнейшей передачи знаний.

Естествознание, поставленное экспериментально и практически, преподается по принципу наименьшей затраты сил, общественные же науки, поставленные лекционным способом или же в очень слабой степени семинарским путем, преподаются по принципу наибольшей затраты сил. Каково производство, таково и воспроизводство. Каково исследование, таково и преподавание!

в. Народная школа и школа второй ступени.

Элементы научного миропонимания в самой грубой форме дает теперь народная школа. Промежуточным звеном между нею и университетом является школа второй ступени. Подобно тому, как чисто лекционный характер старого университетского преподавания отражал строго авторитарный характер классовой власти позднего абсолютизма, не допускавшего никаких споров, точно также и старая школа 1 и 2 ступени была педагогическим эхом того унтер-офицерского воспитания, символами которого были Постдам, Людендорф и господин Ольденбург Янушау. Но подобно тому, как рядом с феодальными силами выросли в обществе буржуазно-капиталистические силы, точно также и в высших школах, рядом с лекцией, появился семинарий, «в котором можно обсуждать вопросы». И, наконец, рядом с чисто-авторитарной школой возникает буржуазно-демократическая трудовая школа, в которой элементарные результаты исследования воспринимаются не чисто пассивно, но до известной степени обсуждаются и перерабатываются.

3. Школа будущего.

С возникновением буржуазной трудовой школы педагогическое развитие не заканчивается, как не заканчивается и политическое развитие на Веймарской конституции и буржуазной демократии. Совершенно не касаясь даже вопроса об экономической и социальной неосуществимости буржуазно-демократической школьной программы, мы должны сказать, что это далеко не программа коллективистического общества будущего! Трудно-

вая школа в духе Кершенштейнера, Геккеля — (Göckel) не школа пролетарской диктатуры. Маркс уже в «Коммунистическом Манифесте» указал на то, что теоретическое преподавание нельзя отделять от производства. Следовательно, уже в 47 году он высказал то мнение, что никакая обособленная от практики теория не может удовлетворить человека будущего общества и что лишь производственная школа в состоянии ответить на запросы развития, как индивида, так и всего общества.

Буржуазная трудовая школа, таким образом, стоит посередине между старой и производственной школой, как Эберт между Бисмарком и Лениным: она образует мелко-буржуазную переходную ступень и само собой понятно, что левому крылу общества нужно ее поддерживать сегодня против ударов справа, точно также, как естественной задачей того же самого левого социального крыла и представляемой им революции явится преобразование ее мелко-буржуазного ремесленного характера.

«Социальная демократия», в которой формально господствует рабочая социал-демократическая партия (по существу же буржуазия), трудовая школа, в которой формально осуществляется пролетарская идея производственного воспитания (по существу же проводятся мелко-буржуазные ремесленные тенденции)—таковы две формы выражения того же социального содержания. Обе выражают ту же фазу общественного развития, именно ту фазу, на которой буржуазия недостаточно сильная, чтобы господствовать неприкрыто, осуществляет свою эксплуатацию с прежней силой под фирмой рабочей власти.

Грядущая социальная революция точно также прикончит с трудовой школой, как и с «социальной демократией». На ее месте возникнет производственная школа, как целесообразная форма преподавания при диктатуре пролетариата и на следующей, высшей фазе коммунистического общества ¹.

4. Преподавание, как оружие борющегося пролетариата.

Мы до сих пор говорили о государственных методах преподавания современного буржуазного общества и о— первоначально государственной—реформе школы будущего

¹ См. книгу П. П. Блонского — «Трудовая школа».

пролетарского общества. Нам предстоит еще обсудить вопрос: каковы те педагогические методы, которыми может и должен пользоваться сегодня еще не овладевший властью современный пролетариат в борьбе за свое духовное освобождение от идеологического яда буржуазного преподавания? Как обучается пролетариат? Каковы рациональнейшие методы его самообразования? Что мы можем сделать для укрепления и распространения этих рациональных методов преподавания?

а. Предмет.

Основным является выбор предмета преподавания. На первом плане стоят—и должны постоянно стоять—те науки, которые просвещают пролетариат относительно его своеобразного положения в производственном процессе. Следовательно, не астрономия и ботаника, химия или языкознание, но общественные науки! И общественные науки именно в том широком и синтетическом смысле, который имел в виду Маркс, когда он говорил о социологии, как об анатомии человеческого общества. Ядро этой общественной науки образует общее и систематическое, социологическое обоснование, которое прежде всего в конкретной и ясной форме воспроизводит сущность диалектического материализма. Из этого с необходимостью вытекает дальнейшее: политическая экономия как социальная анатомия в узком смысле, построенная на органически и глубоко связанной с ней экономической географии, науке, без которой ни один сознательный пролетарий не должен читать своих газет, ни принимать никакого политического решения! Для правильной оценки сил, которые каждая страна представляет в социально-экономическом отношении и которые она может ввести в исторический процесс современности, необходима также (занимающаяся вопросами деталей) специальная экономическая и политическая история важнейших культурных областей ¹. (Европа, Северная Америка, Азия).

Практика и теория рабочего воспитания в течение многих лет показали, что для критического понимания идей и для здоровой оценки перспектив современного

¹ Всеобщая история человечества относится к основной систематической социологии!

социального движения, нельзя обойтись без истории рабочего движения, с одной стороны, и без истории социалистических воззрений — с другой.

Таковы центральные предметы преподавания, и их проработка в указанной связи должна дать мощное и заостренное духовное оружие физическому и умственному работнику, борющемуся за освобождение своего класса.

Указывая таким образом на центральный социологический момент в преподавании, мы этим отнюдь не хотим высказаться против изучения других сторон нашей духовной жизни! Речь идет лишь о том, чтобы установить иерархию духовных ценностей, соответствующую интересам пролетариата.

Хорошее «общее» образование на ряду с указанными науками при всех обстоятельствах желательно; этому по мере сил должны содействовать все участники рабочего движения. Два обстоятельства, однако, должны быть приняты во внимание: во-первых, — об этом мы уже говорили — иерархия наук не должна отступать от указанного нами порядка! Пренебрежение основными социологическими науками и замена их духовным самозамыканием в проблемы естествознания, литературы или искусства во имя интересов социального движения безусловно должно встретить противодействие! Такое преобладание естественно-научных или эстетических течений в сознательной части рабочего класса, естественно, не может быть делом случая, а несомненно, является, духовным отражением периода социально-экономической депрессии. Борьба с такими тенденциями имеет, правда, ограниченный успех, но тем не менее ее необходимо вести! Наряду с этим необходимо обязательно вести борьбу и за второе из двух условий «общего» образования, а именно: все, что изучается в области биологических наук, должно быть проникнуто идеей развития, а в особенности все, что относится к общественным наукам: философия, религия, искусство, литература или мораль должны рассматриваться и преподаваться с точки зрения марксизма.

При таких обстоятельствах изучение естественно-научных, философских, эстетических произведений или сочинений по истории религии не наносит никакого ущерба, но ведет к целостному миропониманию с марксистской точки зрения, против чего нельзя ничего возразить.

Однако, такая задача может быть осуществлена и разрешена лишь в том обществе будущего, за которое мы боремся.

б. Метод.

а. Дидактика.

О том, что дидактикой пролетарского преподавания должен быть с точки зрения экономии семинарский метод, так часто и так серьезно говорилось, что, казалось бы, здесь не нужно особого марксистского освещения этого положения. Мы, однако, считаем необходимым коснуться этого, т. к. у нас есть впечатление, что во многих местах к идее семинарского метода и к слову «коллективная работа» создается словно фетишистическое отношение, вызывающее слепое преклонение перед ними.

Мы при этом не будем говорить об одном пределе для семинарского метода, вызываемом характером предмета, где по самому существу его такой метод невозможен и приходится ограничиваться простым изложением. Всякий внимательный педагог легко найдет этот предел, а перебарщивание семинаризма—так можно обозначить попытки догматиков наводить путем вопросов и ответов слушателей на факты, которые им совершенно не известны—к счастью, представляет собою ошибочное исключение, которое до известной степени корректируется само собой в силу слишком очевидного, отрицательного своего влияния.

Не эта попытка провести семинарский метод за один из его пределов кажется нам той типичной ошибкой, против которой марксист-критик должен предостерегать. Скорее ею является вера, что и высший предел для обработки материала может быть произвольно расширен путем вопросо-ответного метода, и эта вера вызывает возражение с нашей стороны.

Несомненно, семинарский метод является огромным прогрессом по сравнению с простым докладом! В таком же смысле прогрессом, в каком буржуазная трудовая школа и академический семинарий являются таковым по сравнению со старой школой и лекционным методом. Но последним словом в развитии наших педагогических методов эта троица—ибо это три проявления единого этапа развития!—следовательно и наш

пролетарский семинарский метод, никоим образом не является.

Мы упрекаем буржуазную трудовую школу в том, что она лишь внешне вводит в материальное производство. В своей педагогике ремесленной мастерской она лишь поверхностно касается его.

Точно так же мы должны сказать о нашем собственном семинарском методе, что он не вводит в самый процесс духовного творчества, но лишь в поверхностной форме, словно воспроизводит духовное творчество, самое исследование. На самом же деле этого нет!

Во всяком случае, мы это определенно говорим, сейчас иначе и быть не может! Наше предостережение поэтому вовсе не означает упрека против семинаризма и его применения во всех пролетарских областях работы, позволяющих его применение, напротив, мы утверждаем, указывая одновременно на историческую ограниченность этого метода, что его следует зубами и когтями защищать против его предшественника, чисто лекционного метода. Но устанавливать историческую ограниченность предмета значит вместе с тем показывать его границы и перспективы его преодоления.

Потребительские общества, несомненно, представляют собою прогресс и несомненную переходную ступень. Но и пролетарские потребительские общества, конечно, далеко еще не означают социализма!

Мы должны лишь предостеречь против того, чтобы суеверно ждать педагогических чудес от семинарского метода, который этих чудес никоим образом сделать не может! Семинарский метод облегчает восприятие готовых, обработанных результатов мышления. Он позволяет угадывать результаты. Научить находить их он не может по самому существу своему. Ибо такое самонахождение результатов не может быть делом ряда вечеров или вечерних курсов, оно требует месяцев и годов! Семинарский метод наших обычных рабочих школ, если он хорошо поставлен, есть лишь свежий целесообразный путь; перенять готовые результаты в такой форме, как если бы они были добыты самими учащимися.

Высшая и свободнейшая форма усвоения этих результатов (которая заключается в том, что каждый сам проходит путь их творчества)—это поразительное, глубочай-

шее искусство обучения, к несчастью и в силу необходимости, недоступно нашей пролетарской дидактике в виду недостатка средств и требующегося для этого времени. Семинарский метод может быть поэтому превзойден только с устранением существующих отношений господства и собственности. Матерью производственной рабочей школы, как и матерью новых педагогических методов явится лишь социальная революция пролетариата — мы еще раз вынуждены повторить этот монотонный припев.

β. Педагогика.

Преподавание должно, по своему содержанию и по плану, приспособляться к тем, для кого оно предназначено. Нельзя поэтому пользоваться одинаковыми средствами при постановке курса для пожилых рабочих, как и для 19 и 20-летних юношей.

Внутри социального жаргона первого порядка, классового языка пролетариата — существует еще социальный жаргон второго порядка. (Последний определяется возрастом и социальным положением в классе, вытекающим из этого возраста).

Если поэтому наилучший способ постановки социальных проблем для отцов семейства заключается в связывании их с материальным моментом — для семьи из 4 — 6 членов налоговой вопрос или заработная плата становится жизненно важным обстоятельством для кормильца — у юношей не приходится исключительно придерживаться экономической ориентации. Рядом, естественно, с различными хозяйственными вопросами, возникающими в типичной пролетарской форме и для юношей, существует еще множество и других нужд, которые хотя и сводятся в «конечном счете» к экономике, но для них, однако, непосредственно не являются вопросом экономики.

Стремление к эмансипации от власти отца и матери, стремление к свободе для духовного творчества, любовь к путешествиям и приключениям и интенсивная восприимчивость к половым переживаниям, все это вещи, которые придают мышлению юношей другой характер, чем у его старших товарищей по классу.

С этим своеобразием юношества нужно считаться. Легче ввести юношу в круг основных социальных вопросов через проблемы мировоззрения, религии, педагогики и пола, чем

на почве исключительно экономических вопросов. Кроме того, юношам естественно ближе военно-героическая сторона рабочего движения, чем его диалектика, трезвая, холодная, историческая оценка пожилого.

На все эти моменты хороший педагог обратит внимание не для того, чтобы свести к ним свое преподавание, но для того, чтобы, исходя из этих кажущихся основными для юношей вопросов, их лучше привести к центральным проблемам политики и хозяйства.

γ. Вспомогательные средства и предпосылки.

Мы приближаемся к концу нашего исследования. Нам остается еще показать, при помощи каких средств и предпосылок пролетарское образование достигло наибольших результатов и при помощи каких оно, руководясь сознательно поставленной целью к усовершенствованию, достигнет в будущем еще больших результатов.

Как средство наглядности, руководящую роль во всех общественных науках должна играть изящная литература. Знакомство со связной картиной социальных явлений, которое дает прежде всего роман, позволяет преподавателю внести яркую наглядность в изложение исторических и этнологических фактов, и, при критической обработке, что, конечно, является необходимой предпосылкой, позволяет достигнуть цели более надежным путем, чем это мыслимо как для учащего, так и для учащегося при абстрактно-теоретическом методе обучения. Таким образом, история литературы, как наука о совокупности литературных произведений, опирающаяся на филологию, признающую ее задачи и предоставляющую в ее распоряжение необходимые переводы, становится не вспомогательной для социологии наукой, как все прочие, а одной из основных родственных наук, без которой не может рационально быть поставлена ни педагогика, ни исследование! (Гениальные педагоги в рабочем движении, как, напр., Роза Люксембург в своих курсах для партийных школ, постоянно инстинктивно или сознательно признавая педагогическую ценность литературы, широко использовали ее в своем преподавании, как способ иллюстрации).

И, наконец, последнее!

Как следует поставить преподавание для пролетариата, относительно этого мы уже указали многие основные тре-

рования. В заключение поставим вопрос: кто должен руководить преподаванием для пролетариата? Кто им руководит?

При ближайшем рассмотрении выясняется, что в роли учителей рабочих выступает ряд товарищей, вышедших из буржуазии, а не из рядов пролетариата.

Следует ли их отстранить от преподавания? Если же нет, то в какой мере они подходят для той задачи, за которую берутся?

Ни один человек серьезно не думает об исключении вспомогательных сил, вышедших из буржуазии. Подобный шаг, будучи предпринят из ошибочного классового сознания, ослабил бы наш класс и замедлил бы подготовку решительного социального боя.

Поэтому вопрос должен быть поставлен не так: использовать или не использовать не-пролетарские силы, а иначе: как сделать, чтобы не-пролетарские элементы превратить в учителей, вполне или хотя бы в широкой мере отвечающих педагогическим запросам пролетариата?

Одного знакомства с марксизмом недостаточно! Марксистская идея, вернее, тот комплекс идей, который мы имеем марксизмом, вырос из глубочайшего понимания положения пролетариата.

Передача этих идей предполагает тем самым, что тот, кто является передатчиком, умеет в наглядной и конкретной форме исходить из положения своих слушателей и из конкретного положения пролетариата вывести основные марксистские теории и современную политическую тактику, как их органический результат.

Может, однако, случиться, что гениальный человек, при случайном соприкосновении (или даже по знакомству из вторых рук), познает и усваивает факты чуждого ему мира. Одна индийская легенда рассказывает, что Будда при одном взгляде на старика, больного или мертвеца переживал в своей душе все ужасы старости, болезни и смерти. И, как передает дальше эта легенда, переживание человеческих страданий произвело такое потрясающее впечатление на индийского принца, что оказало величайшее влияние на всю его дальнейшую жизнь.

Но, ведь, это только религиозная легенда, и даже восточные рассказчики считают это за небесное чудо. Если бы

на земле и происходили такие чудеса—быть может, они и происходят время от времени—это не имело бы никакого значения для нашей постановки педагогических требований. Ибо требования и правила вырабатываются не для исключительных, а для средних людей. Средний же преподаватель, который, будучи сам выходцем из буржуазии, работает среди пролетариата, далеко не Будда по своей восприимчивости, а обычный человек с нормальными духовными способностями. Он нуждается, следовательно, для усвоения определенной конкретной точки зрения, во всем том конкретном опыте, который только и позволяет нормально усвоить такую точку зрения.

Это означает, что учитель не-пролетарий, который хочет надлежащим образом обучать пролетариев, т. е., исходя из повседневной рабочей жизни, не может ограничиться изучением произведений Маркса, Энгельса, Каутского, Гильфердинга, Люксембург, Ленина и т. п. Он должен, помимо изучения теоретиков, принять практическое участие в жизни класса, к которому он пришел. Он должен будет для этого на время забросить свои книги и кабинетную науку, и погрузиться в рабочую среду, живя в квартире рабочего, работая на заводе среди рабочих.

Поскольку это возможно, следовало бы от каждого редактора рабочей газеты, кроме теоретической, требовать и такого рода практическую подготовку.

Вовсе не для того, чтобы учителя и редакторы сами стали пролетариями! Во-первых, это невозможно, во-вторых, движение от этого мало бы выиграло. Но тот, кто делил некоторое время сам жилищную нужду рабочего, его участь в шахте, на фабрике, на обширных полях помещичьих латифундий—и это должно, понятно, иметь место не один раз, а повторяться периодически—кто, следовательно, делил с пролетариатом тяжелые и серые пролетарские будни, тот совсем иначе будет редактировать рабочую газету, начинать и проводить учебные занятия, чем человек, никогда не выходивший из академических библиотек и аудиторий, для того чтобы окунуться в тускло освещенные пролетарские жилища и помещения для рабочих собраний.

С.

Реформа или революция в культуре.

В предыдущем изложении мы нарисовали социальные функции каждой науки. Мы говорили о характере науки в эпоху высшей и поздней стадии капитализма. Мы отметили противоречия в структуре академического исследования, популяризации и преподавания и стремились при этом доказать, что эти противоречия—предвестники бури, которая сокрушит буржуазное общество вообще и буржуазную науку в частности.

Как же будет протекать это разрушение: тихой дорогой спокойных реформ или бурным и опасным путем катастрофической революции? Если предстоит второй, революционный, путь, что надлежит делать до момента революции? Ничего-ли? Иными словами, должен ли сторонник революции в культуре быть принципиальным противником культурных реформ?

Ответим сначала на второй вопрос. Если даже мы придем к убеждению, что коллективистическая культура будущего может родиться на свет не эволюционным путем, а в революционных бурях, мы должны со всей серьезностью и страстностью вести повседневную борьбу за частичные культурные улучшения и изменения в интересах рабочего класса. Эта повседневная борьба—единственный путь классовой борьбы на почве культуры и единственный способ работать для конечной цели—захвата политической власти и уничтожения буржуазной классовой культуры¹.

Но революция в культуре наступит! Несомненно будет! Сегодня или завтра, раньше или позже! Мы говорим это не для того, чтобы толкнуть пролетариат на частичные восстания, от которых он слабеет и обливается кровью, и, побежденный, осужден на долгий период разочарования.

Революция для нас вовсе не вопрос определенного срока, в течение которого мы во что бы то ни стало должны осуществить ее.

О, нет!—пусть даже окажется, что «ход капиталистического развития значительно медленнее, чем это принято

¹ Р. Люксембург: Социальная реформа или революция.

считать; это означало бы лишь отсрочку момента захвата политической власти пролетариатом, к чему мы стремимся, откуда практически самое большее вытекает необходимость более спокойного темпа борьбы»¹.

Но что когда-нибудь наступит день, когда масса экономических и культурных нелепостей, накопившихся в огромном количестве, разорвет юридическо-политические оковы, или, иными словами, что приспособление политической надстройки к давно созревшим новым производительным силам произойдет не путем постепенного нарастания, но быстрых и насильственных потрясений, в этом мы во всяком случае убеждены на основании исторических прецедентов².

Результат этого взрыва есть политическая революция. За ней следует революция в экономике и культуре. Старые предпосылки падают, новые мерила устанавливаются. Тем самым, естественно, разрушается множество экономических и культурных элементов (напр. производство предметов роскоши как в материальной, так и в духовной области), на их место выступают новые задачи, которые идут к своему осуществлению отчасти и новыми методами.

Осуществление этих новых задач, после того как достигнут новый исходный пункт, протекает, однако, снова постепенно, эволюционным путем!

Буря революционного кризиса переходит в нежный и спокойный зефир весеннего медленного роста. За мартовскими бурями революции наступает майское солнце и яркие краски осенней жатвы.

Но без майского солнца нет жатвы, и без мартовских бурь нет майского солнца! Поэтому тот, кто стремится к возможно полной материальной и духовной культуре общества, как бы он ни работал для сегодняшнего дня, должен при этой будничной работе хранить веру и быть готовым к борьбе в тяжелые, но плодотворные переходные бури великой грядущей пролетарской революции!

При этом условии самая идея насилия утратит свой страшный облик и приобретет смысл, который сейчас доступен лишь немногим. Конечно, насилие не есть дух.

¹ Р. Люксембург, там-же.

² О принципе скачков в биологическом и социальном развитии смотри в послесловии.

Тем не менее, оно постоянно имеет дело с духом. Либо оно—оковы для духа, либо оно—сокрушитель дракона, освобождающий девственницу, блестящий рыцарь, который в конце-концов делает ее матерью. Поэтому дело не в том: путем насилия или без насилия!

Насилие всегда имеет место! Вчера, сегодня и еще долго. Нужно ставить вопрос иначе: насилие с чьей стороны и с какой целью? Или, кто не желает нового насилия, скрытый помощник старого насилия! Кто же не желает старого насилия, должен присягнуть знамени нового насилия! Таков вопрос, таково требование, которое коммунизм, передовой борец за грядущую мировую культуру, провозглашает в аудиториях и в библиотеках, в лабораториях и клиниках современного академического мира.

Кто за будущую науку, тот должен быть против современного общества, кто хочет освобождения духа, тот должен желать, чтобы чудовищный дракон был, наконец, убит! Ни для одного серьезного служителя науки не может быть колебаний в выборе решения.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

1.

Мы могли бы вместо «послесловия» написать «самооправдание». Ибо опубликование такой работы требует нескольких слов для ее оправдания в глазах специалиста, а к ним обращено это послесловие. По крайней мере, необходимо несколько слов для ее объяснения.

Настоящее произведение—продукт докладов, сделанных автором в кругах академической интеллигенции в Лейпциге и Брюнне в 1921 г., сызнова в 1922 г. в Лейпциге на мартовском конгрессе студентов социалистов и коммунистов.

Многочисленные запросы о марксистской позиции в вопросах науки вызвали эти доклады. И те же запросы объясняют опубликование высказанных в них основных мыслей. Без такой настоящей нужды мы бы еще не выпустили этой работы теперь, а позже—не в ее теперешней форме. Таким образом, это типичная книга, имеющая на себе печать типичной участи столь многих из наших книг, которые обязаны своим существованием и характером потребностям социальной борьбы. Нужда же в такой книге была очень широка и не без основания. Большая часть из того, что нами было здесь высказано, рассеяно в литературе марксизма. Произведения тов. Луначарского и Богданова лишь слегка касаются вопроса. Глава же «Наука и труд» в книге Каутского «Размножение и развитие и т. д.» почти совершенно не касается вопросов современной науки. При таком положении вещей, автор считал себя обязанным выступить в намеченном им направлении и, по крайней мере, систематически в форме вопросов развить комплекс проблем, которые заключены в названии темы «Наука в буржуазном обществе».

Эта книга дает прежде всего разрез современной науки, лишь по временам и в форме набросков она дает и относящуюся к науке историческую обстановку. И эта особенность объясняется из вышеуказанных обстоятельств появления книги. Автор не дал в ней своих принципов. Напротив! В новом издании он рассчитывает значительно расширить ее научно-историческую часть. Тем самым еще резче будет представлена динамика научных явлений, и некоторые, кажущиеся статическими, моменты, неизбежные при настоящей форме, необходимо отпадут.

То, что автор, главным образом, брал примеры из немецкой высшей школы, очень просто объясняется непосредственной целью произведения. Принципы же его, понятно, носят интернациональный характер! То же можно сказать и о постановке проблемы. Наконец, и самые примеры будут вполне понятны хотя бы читателям американцам или китайцам. И это было единственной задачей книги.

2.

В различных местах изложения были приведены принципы и законы, смысл которых понятен в соответствующей связи, но терминология и общее значение которых остались невыясненными. Речь идет в них о проблемах, окончательную формулировку и развитие которых автор намерен позже предпринять в систематическом учении об обществе. До этого момента он выпускает свой «закон самосохранения», «типологию исторических ступеней и конфликтов» и «принцип нарастания» без особого определения на широкое поле научной терминологии, где они могут резвиться на подобие телят весною.

3.

В заключение несколько практических предложений.

Автор предлагает тем читателям, студентам и доцентам, которые имеют характерный социологический материал относительно состояния высшей буржуазной школы, направить его возможно точно и детально обработанным в издательство на имя автора. Он войдет во второе издание в случае его выхода в свет, чтобы подчеркнуть этим возможно резче своеобразный характер произведения.

При этом на первом плане стоят 2 основных вопроса:

Во 1-ых, сводка примеров для характеристики свободы преподавания и обучения в отношении левых доцентов и студентов.

Во 2-ых, примеры, типичные для классового характера теории и практики реакционных академиков всех сортов и мастей.

Автор был бы очень обязан тем специалистам-марксистам (экономистам, историкам религии, специалистам по эстетике и т. п.), которые оказали бы ему поддержку описанием постановки наиболее важных в их специальности проблем и попыток их разрешения.

Такая поддержка, возможно, даст исходный пункт для издания большого коллективного труда, в котором проблема науки сможет быть разрешена во всей совокупности своих специальных вопросов. Такой коллективный труд был бы хорошим диалектическим завершением настоящего произведения. Тогда оно оказалось бы в силах произвести на свет и своих преемников и своих могильщиков.

Но такое творческое заключение, с нашей точки зрения—величайшее счастье, которое может выпасть на долю человека, положения или предмета в ходе естественного или исторического процесса. Кто в этом видит и утверждает свою историческую функцию, тот совершает исполинский скачок из горького царства необходимости в мощное и божественное царство внутренней свободы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стран.
Предисловие к русскому изданию И. Плотников	3
Предисловие автора	7
А. О сущности науки и об основных элементах духовного творчества. . 9	
I. Научный процесс, как биологическая и социальная функция. —	
II. Историческая эволюция общественной функции науки.	11
III. Ступени научного процесса производства.	14
В. Наука буржуазного общества и ее критика пролетарской революцией.	16
I. Духовное творчество	—
1. Исследователь	—
2. Исследование	19
a. Организация	—
b. «Точное», естествознание	21
c. Биология	26
d. Общественные науки	31
α. Метод	—
β. Система наук	36
e. Частные дисциплины	39
α. Общая социология	40
β. Наука о хозяйстве	43
γ. История	45
δ. Языкознание	47
ε. Этика	51
ζ. История религии	53
η. Философия	55
θ. Эстетика	58
3. Борьба революционной интеллигенции против буржуазной академии	61
a. При диктатуре буржуазии	—
α. Intra muros	—
β. Extra muros	64
b. При диктатуре пролетариата	66
α. «Социализация» академии	—
β. О духовном хозяйстве про запас	73
II. Популяризация	77
1. Популяризатор и буржуазное общество	78
a. Точное естествознание	—

	Стран.
b. Биология	80
c. Социология	83
2. Популяризатор и пролетариат	84
III. Преподавание.	87
1. Сущность и значение редакционной деятельности	—
2. Преподавание в буржуазном обществе	88
a. Высшая школа	—
b. Народная школа 1-ой и 2-ой ступени	89
3 Школа будущего	—
4. Преподавание, как оружие борющегося пролетариата	90
a. Предмет	91
b. Метод	93
α. Дидактика	—
β. Педагогика	95
γ. Вспомогательные средства и предпосылк	96
C. Реформа или революция в культуре?	99
Послесловие	102

Издательство

ПРИБОЙ

Петроград.

Проспект 25 Октября, 52
и Смольный, комната 74.

Вышли из печати

- К. Маркс. Теории прибавочной ценности, ч. II. _____
Г. Плеханов. Очерки по истории русской общественной мысли XIX в. _____
К. Каутский. Возникновение семьи и брака. _____
Н. Ленин. Аграрный вопрос в России в конце XIX в. _____
Н. Бухарин. Мировое хозяйство и империализм. _____
Н. Бухарин. Пролетарская Революция и культура _____
Г. Зиновьев. IV Конгресс Коминтерна. _____
Г. Зиновьев. Вопросы XII Съезда Р. К. П. _____
Н. Батурин. Очерки по истории с.-д. в России. _____
К. Шелавин. 1 Мая в России. _____
К. Шелавин. Рабочий класс и его Партия (история Р.К.П.). _____
К. Шелавин. Очерки истории Русской Революции 1917 г. _____
Февраль-июльские дни. _____
Г. Сафаров. Долой буржуазное мракобесие. _____
Г. Сафаров. Тактика большевизма. _____
А. Бубнов. Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России. _____
А. Бубнов. Буржуазное реставраторство на 2-ом году Нэп'а. _____
М. Покровский. Очерки по истории русской культуры, часть I и II. _____
М. Покровский. Франция до и после войны. _____
М. Покровский. Борьба классов и русская историческая литература. _____
Н. Херасков. Англия до и после войны. _____
С. Канатчиков. На темы дня. Страницы пролетарской идеологии. _____
С. Канатчиков. За 25 лет (История Р. К. П.). _____
С. Канатчиков. Рабочая партия и крестьянство. _____
П. Лященко. Очерки аграрной революции в России. _____
Ф. Мюллер-Лизер. Формы семьи и брака. _____
А. Слепков. Классовые противоречия в 1-й Государственной Думе. _____

Э. Мейер. Экономическое развитие древнего мира. —
 Э. Мейер. Рабство в древности. —
 А. Тюменев. История труда. 3-е издание. —
 А. Тюменев. Теория исторического материализма. —
 А. Тюменев. Капитализм в древней Греции. —
 Э. Толлер. Эуген несчастный. Драма. —
 Епископ Браун. Коммунизм и христианство. —
 А. Герасимович. У истоков религии. —
 Д. Кудрявский. Как жили люди в старину. —
 Хрестоматия классовой борьбы, ч. I-я. «Крестьянство и пролетариат». 2-ое изд. —
 Хрестоматия классовой борьбы, ч. II-я. «Революция на Западе». —
 Хрестоматия классовой борьбы, ч. III-я. «Революция в России». —
 Хрестоматия материализма, ч. I-я. «Французский материализм в XVIII в.». —
 Путь к Коммунистическому Интернационалу. — Сборн. статей и документов. —
 Р. Арский. Рур — могила капитализма. —
 С. Ковалев. Курс всеобщей истории. Том. I. —
 Я. Никулихин. Как и почему мы победили (очерки и воспоминания). —
 «Р.К.П. — Вождь пролетариата». Сборник материалов, посвященных 25-летию Р.К.П. —
 Красная хрестоматия. Книга для чтения в партшколах и политкружках. —
 Татьяна Григоровичи. Теория ценности Маркса и Лассалья. «Карл Маркс». Сборник. —
 С. Минин. Отец Игнатий. Трагедия в 3-х действиях. —
 С. Гарин. Отасу. Социальная пьеса в 4-х действиях. —
 И. Книжник. Что читать по общественным наукам. —
 «Спутник рабочего». — календарь на 1923 г. —
 Материалы XII Съезда. Р. К. П. —
 Методическое пособие для пропагандистов и лекторов. На под'еме. — Сборник рассказов для молодежи. —
 Флотский день в клубе К. С. М. (Сборник). —
 Смычка с деревней. — Сборник материалов по работе в деревне. —
 «Звенья». — Альманах. —
 Драницын. Конституция С. С. С. Р. и Р. С. Ф. С. Р. в ответах на вопросы. —
 Проф. А. Пинкевич. Основн. проблемы современной школы. —
 Спутник Рабочего. — Календарь на 1924 г. —
 Буштедт, Покровский и Харнас. Древний Восток. —
 В. Князев. Ржаные апостолы. —
 Уpton Синклер. Деньги (роман). —
 Андреев. История первобытной культуры. —

СКЛАДЫ ИЗДАНИЯ:

Петроград: Смольный, комн. 74; Просп. 25 Октября 52,
магазин «Книжные Новинки».

Москва: Московское отделение, издательство «ПРИБОЙ»,
Петровские линии, подъезд № 3. Телеф. 2-24-09.

Харьков: Издательство «Пролетарий».